

ЗОНА СМЕРТИ

Андрей Ливадный

ТОЧКА РАЗЛОМА

Андрей Львович Ливадный
Точка разлома
Серия «Зона Смерти», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610135
Точка разлома: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48234-4

Аннотация

Плечом к плечу они пробивались к цели сквозь все опасности отчужденных пространств. Их встречали огнем фанатики Пламенного Креста и егеря Ковчега, неистово атаковали механоиды, подстерегали многочисленные ловушки. А впереди их ожидал мифический Светлый Тоннель, избавляющий инфицированного от скоргов, и загадочный скоргиум, способный изменить соотношение сил в бесконечном противостоянии с чудовищными порождениями технохауса. По мрачной иронии Судьбы, именно им предстояло спасти от мгновенной гибели всех сталкеров Пятизонья.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Андрей Ливадный

Точка разлома

Пролог

За внешней границей Барьера.

Карантинная зона Соснового Бора...

Дорога уводила во тьму.

Свет фар выхватывал из мрака стелющиеся под колеса трещины в давно не отремонтированном дорожном покрытии, выцветшую разметку, на обочинах – пожухлый кустарник да вырванные с корнем, почерневшие под дождями поваленные деревья.

В салоне царил напряженная тишина, нарушаемая лишь сонным шелестом вентилятора системы отопления и нервным периодичным писком устройства спутниковой навигации.

Маркер на дисплее бортового компьютера медленно, но неуклонно приближался к границе заштрихованной красным цветом окружности, в центре которой таилось тревожащее воображение название «Сосновый Бор».

– Всё, приехали, – неожиданно произнес водитель, сверившись с известными только ему ориентирами.

Машина мягко свернула к обочине, под колесами скрип-

нул гравий.

– Но мы же договаривались до блокпоста! – начал протестовать один из пассажиров.

– До блокпоста и доvez, теперь пешком идите. – Пожилой таксист включил дальний свет фар, выхватив из тьмы побитую ржавчиной табличку, болтающуюся на обрывке колючей проволоки:

Стой! Запретная зона! Огонь открывается без предупреждения!

– Далеко до Соснового Бора? – недовольно осведомился молодой парень лет девятнадцати, сидевший рядом с водителем.

– А сам прикинь. – Фары погасли, тьма как будто ринулась со всех сторон, облепила старенький автомобиль. Ни луны, ни звезд, лишь впереди в ночной мгле вдруг проявилось неяркое, мертвенно-бледное, играющее сполохами зарево.

– Это Барьер? – сдавленно спросил один из парней.

– Он самый. Мой вам совет – поворачивали бы обратно, – ворчливо произнес таксист. – Там военные патрули, вертушки, боевые машины, да и народец, прямо скажу, лихой. В лучшем случае – несколько суток в каком-нибудь сыром бункере продержат, до выяснения, а то ведь и убить могут.

– Не, дед. Мы не слабонервные. Справимся. – Парень протянул ему обещанные деньги. – Всё, выгружаемся. – Он первым вышел из машины, подавая пример двум своим спутни-

кам.

Таксист молча коснулся кнопки открывания багажника, затем вновь включил фары, осветив покосившийся столб с обрывками колючей проволоки.

– Тут раньше блокпост был, – сказал он, опустив боковое стекло. – Уж пару лет, как его перенесли на границу руин. Метров через пятьсот от дороги проселок отходит. Вы по нему попробуйте.

– Спасибо, дед. Разберемся. – Парни забрали рюкзаки со снаряжением, отошли на несколько метров от машины, о чем-то переговариваясь.

Таксист понял: разубеждать их бесполезно.

Зона тотальных разрушений, вплотную примыкающая к мутному куполу гравитационной аномалии, будто магнит, притягивала искателей острых ощущений. Спустя годы после потрясшей мир Катастрофы уже мало кто задумывался над трагедией этих мест. За семь лет успело сформироваться целое поколение, для которого отчужденные пространства – данность, а окружающие их руины мегаполисов – зона экстремального туризма.

Он все же сделал еще одну попытку, жестом подозвав старшего из троих парней.

– Мы вроде расплатились? – нетерпеливо спросил тот.

– Я минут двадцать подожду. На тот случай, если передумаете.

– Ты что, дед? Мы ведь не в отчужденные пространства

идем. Ну, побродим по руинам, поднимемся на уцелевшую высотку, на фоне Барьера снимки сделаем...

– Послушай, сынок, там ведь люди погибли. Руины – что братская могила. А вы фотографироваться лезете.

– Вот только не надо меня воспитывать! – Парень зло сверкнул глазами. – Не маленькие. Сами разберемся.

Пожилой таксист лишь сокрушенно покачал головой, глядя, как три фигуры растворяются во тьме.

Многих он привозил сюда. А что делать? Жить-то надо. Всякого насмотрелся и наслушался. «Урбанисты», «псевдосталкеры», «диггеры», «черные археологи» – раньше он и слов-то таких не знал.

Большинство искателей острых ощущений доходили до границы руин и поворачивали обратно. Военные специально перенесли блокпосты в глубину запретной зоны, оставив окраинные здания вроде как без присмотра. На самом деле всё находилось под контролем следящих систем. Туристов, побродивших по этажам полуразрушенных зданий и повернувших обратно, как правило, не трогали. Ну а если пересек незримый рубеж – пеняй на себя. Хорошо, если военные возьмут.

На подступах к Барьеру настоящую опасность представляли не только их патрули. В пятикилометровом пространстве, между кольцом внешнего периметра и мутным куполом гравитационной аномалии, орудовали различные силы: наемники, перекупщики техноартефактов, проводники, тор-

говцы-нелегалы, да и просто откровенные бандиты, для которых ограбить и убить – раз плюнуть.

* * *

Трое молодых ребят быстро добрались до проселка, свернули по нему в чашу мертвого, почерневшего, осклизлого от морозящего дождя кустарника.

Старая грунтовая дорога, разбитая тяжелой бронетехникой, через пару сотен метров начала петлять меж заросших бурьяном полей, постепенно сворачивая в сторону зловещего холодного зарева, на фоне которого в ночной мгле проступили мрачные очертания руин мегаполиса.

Они шли, почти не разговаривая друг с другом, напряженно вслушиваясь в зловещую, звенящую тишину, невольно поеживаясь, но уже не от промозглого ноябрьского холода.

Постепенно со стороны городских руин начали долетать отдельные звуки: басовитый гул вертолетных двигателей, зашумевший вой ветра, редкие, глухие, отдаленные выстрелы.

Парень, что недавно разговаривал с таксистом, остановился, поставил увесистый рюкзак на сухой бугорок.

– Экипируемся.

На ближайший куст легла тончайшая маскировочная сеть – продукт высоких технологий. Тусклый свет фонарика осветил пяточок влажной почвы, из рюкзаков появились три

комплекта камуфлированной экипировки, прошитой тончайшими нитями антисканирующих комплексов.

Переодевшись, парни переглянулись.

– Что дальше, Тим? – спросил один из них, нервно сглотнув. – Ты уверен, что нас не засекут?

– Уверен. Под Новосибирском пацаны с такой защитой на сто метров к Барьеру подобралась. Проверено, Пашка, главное не суетись и не вздумай бегать по руинам. Двигаться нужно медленно, только тогда маскировка нормально работает.

– Холодно, – стуча зубами, пожаловался третий.

– Это у тебя не от холода, а от страха. На, Алекс, глотни, полегчает. – Тим протянул ему флягу. – Значит, так, – он активировал нанокомп, – вот тут, у слияния двух проспектов, наша цель – уцелевший небоскреб. Бывший жилой комплекс «Династия». Добраться туда нужно затемно. Восхождение начнем с рассветом.

– А если на патруль нарвемся? – Алекс сделал глоток из фляги, поперхнулся, закашлялся.

– Я же сказал, экипировка проверенная. Увидел кого, застынь, лучше присядь и не шевелись, сойдешь за камень, – нервно хохотнул Тим. – Единственная опасность – собаки. Вот от них маскировка не спасет.

– А состав этот вонючий? – спросил Паша, указывая на один из тюбиков, упакованных в рюкзаке вместе с другим снаряжением.

– Не знаю, – пожал плечами Тим. – Говорят, нюх он собакам отшибает, но сам не проверял. В общем, действуем по ситуации. Адреналин гарантирую. Включаем камеры на запись и пошли. Вернемся, видео в сеть выложим, пусть новосибирские сталкеры нос не задирают. Мы круче!..

* * *

Город поглотил их.

За отдельными фрагментами жутковатой реальности не воспринималось целое. Пограничные здания, между которыми виднелись порванные проволочные ограждения старого периметра, выглядели пустынными, заброшенными, неохраняемыми. На самом деле сотни разнообразных датчиков процеживали тьму, передавая данные сканирования на опорные наблюдательные пункты изоляционных сил.

Тим бесшумно крался вдоль стены полуразрушенного здания. За его плечами лежал опыт покорения многих техногенных объектов, он знал, как нужно передвигаться, чтобы не стать легкой добычей для систем слежения. «Главное – пройти электронный рубеж. Дальше станет легче», – твердил себе он, чувствуя, как капли пота выступили по всему телу.

Призрачная стена мертвенного света озаряла руины нереальными, мятущимися сполохами.

Барьер царил над разрушенными квартами мегаполиса, будто исполинский, тускло сияющий нарыв, его вид подав-

лял рассудок, заставляя сердце замирать и сжиматься от каждого шороха.

Труднее всего – не поддаться инстинктивному желанию бежать, рывком преодолеть расстояние до ближайшего укрытия. Нервы натянуты в струну, во рту комок слюны, его не сглотнуть, каждый выступ руин кажется зловещей фигурой, притаившейся во тьме, от перенапряжения начинает кружиться голова, по мышцам гуляет озноб...

Десять шагов... Двадцать... Пятьдесят... Сто...

В нагрудном кармане экипировки завибрировал нанокomp.

Неужели все? Сеть сканеров пройдена?

Тим на секунду расслабился и тут же обмяк, чувствуя, что ноги вдруг стали ватными.

Тридцать минут медленного вязкого продвижения не оставили иных впечатлений, кроме ощущения дикого, гложащего страха. Он поймал себя на мысли, что не запомнил ни одной детали, да и не заметил среди руин окраинных домов ничего необычного. Тогда почему накатывает ужас, а нервы, кажется, готовы лопнуть от напряжения? Что же такого жуткого в ночной тьме да в иззубренных громоздящихся повсюду сумеречных контурах разрушенных построек?

Барьер.

От его мертвенного сияния восприятие реальности незаметно трансформировалось, все ощущения стали острее, словно, ступив в зону руин, Тим перешагнул незримую чер-

ту и вдруг оказался на зыбкой грани миров, в сюрреалистичном, неподвластном рассудку пространстве.

Он кое-как справился с дрожью, медленно обернулся, пытаясь отыскать взглядом неприметные на фоне тьмы фигуры идущих следом, и вдруг...

Ему показалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Свет и звук внезапно ворвались в теснину улицы. Тим с ужасом понял, что небольших размеров беспилотный вертолет все время таился где-то поблизости, а сейчас, зафиксировав цель, вдруг обнаружил себя: ослепительные лучи прожекторов вспороли мрак, метнулись по стенам, скользнули по осыпям бетона и кирпича, покачнулись, на миг застыли на уровне второго этажа и вдруг скрестились, поймав сгорбленную человеческую фигуру.

Ни окриков, ни предупреждений Тим не услышал, все произошло стремительно, беспощадно: с глухим рокотом заработали вертолетные пушки, четыре хоботка пламени затрепетали в ночи, по кромке руин, сметая кубометры кладки, оставляя огромные дымящиеся дыры в препятствиях, ударили строчки оранжево-черных разрывов, оглушительный грохот поглотил реальность, по стене здания прыснули трещины. Тим сжался, его накрыло мгновенно всклубившимся пылевым облаком, осыпало крошевом кирпича и бетона, он только успел подумать – всё... как выстрелы стихли, лишь внутри изрешеченной снарядами постройки с протяжным скрежетом медленно проседал потерявший опору фраг-

мент железобетонного перекрытия.

Пространство улицы заволокло клубами едкой пыли, меж
огрызками стен еще стыл чей-то жуткий вопль, а боевая ма-
шина уже исчезла, тьма вновь поглотила все сущее, остались
лишь солоноватый привкус крови на прокушенных губах да
дрожь, ознобом гуляющая по телу.

Смерть пронеслась мимо, над самой головой: только сей-
час Тим понял, что стреляли не по нему.

Сзади раздался хриплый стон. Он стряхнул оцепление,
сгорбившись, на ощупь прокрался вдоль стены и увидел
Алекса с Пашкой, – оба сидели, выпучив глаза, зажимая ру-
ками рты, содрогаясь от подступивших к горлу спазмов.

В пространство улицы вновь вернулся ослепительный
свет.

Они инстинктивно вжались в каменную осыпь, беспилот-
ная машина пронеслась над самыми головами, скручивая
пылевое облако тугими смерчами, и... растворилась в ночи.

Тим приподнял голову.

Где-то далеко сухо и неравномерно рассыпались звуки
беспорядочной перестрелки.

Контур здания казались чудовищами, их омывало туск-
лое свечение, исходящее от Барьера, а два километра на-
меченного заранее маршрута воспринимались сейчас как
неодолимое расстояние.

«Нет. Мы прошли электронный рубеж. Нас не заметил
беспилотный вертолет. Маскировка работает, она спасла нас

от смерти. Мы дойдем...»

Было в этом стремлении что-то иррациональное, противоречащее здравому смыслу, и, поймав полубезумные взгляды Пашки и Алекса, Тим хрипло спросил:

– Возвращаемся?

– Тимоха, ты чего?! – сиплый шепот Пашки звучал прерывисто. – Я снял это... Ты представляешь?! Снял атаку вертушки... И Барьер...

Тим покосился на Алекса.

Тот полубезумным взглядом уставился во тьму, не шевелился, не реагировал на вопросы, лишь пальцы его рук мелко дрожали.

– Алекс, ты как? Живой?

Тот с усилием кивнул, медленно повернул голову, осмотрелся, словно хотел спросить: ребята, где мы?

– Алекс, ты с нами? – настойчиво переспросил Тим.

Тот снова не шевелился.

– Ну, чего ты к стене прилип? Встать сможешь? Решили дальше идти, так нечего тут время терять!..

– Не... я потихоньку... назад... без меня идите.

– Во дает... – презрительно прошипел Пашка. – Струсил?

– Думайте как хотите. Я пас. Дальше не пойду...

– Жалеть потом будешь.

Алекс мучительно посмотрел на него, представил, как Тим и Пашка будут хвастаться съемкой, сделанной с верхних этажей небоскреба, перед самым Барьером. «Мне же прохо-

да не дадут...» – тоскливо подумал он. Жуткий страх сковывал движения, хотелось уползти назад, затеряться в стылом рассвете, среди заброшенных полей и пожухлых кустарников, но он все же пересилил себя.

– Ладно... Я с вами...

– Руку давай. – Тим помог ему встать.

Глава 1

Бледный рассвет пробился стылой полоской зари.

Зловещие проявления ночной жизни постепенно стихли, и в настоуженной утренней тишине каждый шорох теперь звучал как выстрел.

По лабиринту каменных джунглей, омывая контуры небоскребов, медленно сочилась туманная мгла.

Вокруг простирались руины мегаполиса. Ободренные железобетонные остовы сверхвысотных зданий царили над вздыбленным ландшафтом. В мрачных ущельях улиц, обрамленных фрагментами стен, гнездилась тьма. В утренней мгле, на фоне призрачного сияния Барьера, остовы уцелевших небоскребов выглядели жутковатыми, фантастическими изваяниями, устремленными в небеса.

Сталкер, затаившийся среди руин, напряженно наблюдал за пространством прилегающей улицы. Он явно ожидал какого-то события, изредка поглядывая на экран нанокомпа, закрепленного на запястье.

Утреннее затишье давило на нервы. Расширитель сознания и метаболический имплант не работали, – за границей Барьера воздействие Узла практически не ощущалось, и колонии наномашин, оставшись без подпитки аномальной энергией, отключились.

«Пять утра. Где же тебя носит?» – неприязненно думал

он, всматриваясь во мглу.

Впереди простирался перекресток, над ним господствовали контуры трех близко расположенных высотных зданий, окруженных осыпями обломков. Мгла, клубящаяся в лабиринте улиц, ограничивала видимость, к утреннему туману примешивались ядовитые испарения: истекая из скрытых под руинами тектонических трещин, они просачивались сквозь нагромождения обломков струйками желтоватого дыма, смешивались с утренним туманом, отравляя лабиринты улиц; изредка зловещий багрянец подземного огня озарял окрестности, придавая сумеркам тускло-оранжевый оттенок.

Все затихло, будто перед грозой, лишь легкий ветерок, несущий частицы едкой пыли, слегка раскачивал ржавую, чудом сохранившуюся вывеску какого-то учреждения.

«До импульса уже не успею», – подумал сталкер, продолжая внимательно изучать окрестности.

Он не любил вылазки во Внешний Мир. Наваливались тяжелые воспоминания, от которых порой щемило сердце. Когда-то он жил тут. В глубине порядком очерстевшей души все еще не потускнела память мальчонки, он помнил, как, просыпаясь по ночам, подходил к окну и подолгу стоял, глядя на великолепие мегаполиса, сияющего каскадами архитектурной подсветки высотных зданий, на реки огней, что текли по многоуровневым автомагистралям, на феерические всплески голографической рекламы, вычерченной лазерами

на фоне облаков.

Мир неузнаваемо изменился с тех пор, но даже сейчас его взгляд без труда находил знакомые очертания некоторых сохранившихся небоскребов.

Каменные джунгли обожгло, исковеркало и проредило сокрушительным ударом взрывной волны, микрорайон Соснового Бора отсекло мутным куполом Барьера, отдельные высотки, устоявшие под чудовищным порывом, щерились пробоинами в стенах, ветер гулял по опустевшим квартирам и офисам, глухо завывая там, где раньше струился уютный свет миллионов окон.

Постепенно пространство руин вновь начало наполняться звуками: скрежетал по нервам лист оторванного железа, в глубинах зданий зародился протяжный вибрирующий гул – это несущие конструкции небоскребов упрямо сопротивлялись напору усилившегося ветра.

Через улицу, сторонясь ядовитых испарений, перебежало несколько крыс.

Он взглянул на экран нанокомпа, затем отключил его, как и активные системы экипировки. Каждое утро в карантинной зоне, примыкающей к внешней границе Барьера, начиналось с удара генераторов электромагнитного импульса, – военные, опасаясь случайного прорыва техноса, на всякий случай зачищали местность¹.

¹ Теоретически скорги способны преодолеть границу Барьера и некоторое время просуществовать вне отчужденных пространств.

...Сзади внезапно послышался шорох осыпающегося гра-
вия.

Сталкер моментально отреагировал, перекатился, вски-
нул старенький «калашников», целясь на звук.

В сумерках возникла фигура, закованная в боевую броню.
За границей Барьера не работает мью-фонная связь, мгно-
венная идентификация с помощью привычных средств стал-
керской сети тут попросту невозможна, и любая неожидан-
ная встреча грозит непредсказуемыми последствиями.

Незнакомец замер, затем, сориентировавшись, глухо, по-
луутвердительно произнес:

– Монгол? Не дури!

На скуластом лице сталкера не дрогнул ни один мускул,
лишь указательный палец машинально выбрал люфт спуско-
вого крючка.

– Да свой я! Прекрати! Меня же Славка прислал!

Ствол автомата даже не дрогнул. Те, кто не знал Монгола,
часто недооценивали его, в основном из-за выбора оружия.
В условиях отчужденных пространств морально устаревший
автомат Калашникова выглядел анахронизмом, безопасной
игрушкой... если бы не пластиковые капсулы с фричем², ко-
торыми сталкер снаряжал самодельные боеприпасы. Техно-
логию их изготовления Монгол держал в строгой тайне, по-

² Фрич – аномальная вязкая субстанция ядовито-зеленого цвета. Образуется в отчужденных пространствах. Нейтральна по отношению к органике, на неорганические соединения действует агрессивно, вызывая эффект, сравнимый с воздействием жидкого азота.

говаривали, что сам приор Глеб когда-то научил его секрету, как начинить обычную пулю каплей аномальной субстанции.

– Ну серьезно, меня Славка-Сухостой прислал! – Сталкер демонстративно закинул за спину коротковольный «Шторм», коснулся сенсора на запястье, поднимая забрало боевого шлема.

– Мы должны были встретиться час назад! – сквозь зубы произнес Монгол.

– Ну извини. Задержался.

– Электронику вырубай. И не маячь как столб!

Дождавшись, пока тот подчинится, Монгол опустил оружие.

– Что-то я тебя не припомню.

– Гонта. Из вольных, – отрекомендовался сталкер.

– Имя или позывной?

– Два в одном. – Гонта присел, опасливо озираясь. – А что тебе моя электроника вдруг далась? И так с бронекостюмом намаялся. Выключу – опять время потеряем. Придется ждать, пока система перезагрузится.

Монгол с подозрением взглянул на него. «Не знает, что с минуты на минуту военные шарахнут электромагнитным импульсом?»

– Зачем за Барьер ушел? – настороженно спросил он.

Вопрос был задан не из праздного любопытства. Редко кто из обитателей отчужденных пространств решался вый-

ти за границы Барьера. Для этого нужно обладать не только особыми способностями, но и серьезной психологической подготовкой. При отключенном метаболическом импланте и неработающем расширителе сознания мир трансформируется, границы восприятия резко сужаются, пропадает мьюфонная связь, большинство элементарных приемов выживания становятся недоступными, а опыт, приобретенный в отчужденных пространствах, – практически бесполезным.

Здесь – Внешний Мир, который для большинства обитателей Пятизонья – коварная *terra incognita*.

– Так, говорят, эпидемия снова! – Гонта зло сплюнул. – Хотел очередную пульсацию за Барьером переждать. Едва не загнулся. Твои питерские меня в руинах подобрали...

В принципе, такое объяснение снимало большинство вопросов. После внезапной, опустошающей «Технореволюции», неистовой атаки морских исчадий техноса и загадочной эпидемии, унесшей жизни многих сталкеров³, в отчужденных пространствах наступило зыбкое затишье. Поредевшие группировки, потеряв большинство бойцов, утратили былое влияние, часть сталкеров, опасаясь новых вспышек загадочной болезни, временно ушли за Барьер, скрываясь в руинах, на удалении одного-двух километров от внешнего периметра гравитационной аномалии. На таком расстоянии скорги хоть и впадали в «энергосберегающий режим», но

³ Подробнее об этих событиях в романах Вячеслава Шалыгина «Противостояние», «Свинцовый шквал».

их колонии разрушались не сразу, давая имплантированным людям возможность переждать очередную пульсацию Узла за границами Пятизонья.

– Почему опоздал?

– Да говорю же – бронекостюм, будь он неладен, энергии слишком много жрет! На половине пути пришлось энерго-блок менять.

– Ладно. Чип давай. – Монгол опустил оружие.

У них со Славкой-Сухостоем существовали свои правила, коды опознания и договоренности.

Когда-то они вместе беспризорничали в руинах разрушенного мегаполиса, – прежде чем попасть в отчужденные пространства и стать сталкерами, оба пацана хлебнули немало горя, в одну ночь потеряв всё: дома, родителей, детство. Привычный мир рухнул, обернувшись воем сирен, военными патрулями, мародерами, спасателями, обезумевшими людьми, стойким запахом разложения, исходящим из-под руин, отчаяньем и безысходностью.

Всякое бывало. И голодали, и замерзали, дрались насмерть с одичавшими собаками и сверстниками за банку консервов, глоток воды, прятались от патрулей, сбегали из эвакуационных пунктов, – инстинктивно оба рвались назад, в зону тотальных разрушений.

Через год они со Славкой прибились к группировке «питерских» – в основном таких же подростков, которыми руководил некто Крамор. Работали проводниками, подземны-

ми путями переправляя через Барьер желающих попасть в отчужденное пространство Соснового Бора, затем, во время одной из вылазок, они со Славкой попали под удар пульсации...

Многое изменилось с тех пор. Оба стали сталкерами, прошли через имплантирование, повзрослели, их пути разошлись, – Славка теперь руководил «питерскими», Монгол же остался в Пятизонье, – но старой дружбы они не забывали, поддерживали связь, частенько выручая друг друга.

Мысли промелькнули, пока информация, записанная в чип, считывалась через особое устройство.

– Порядок.

Гонта, внимательно изучавший перекресток, обернулся.

– И к чему такая конспирация?

– Не конспирация, а предосторожность. – Монгол, ловко взобравшись на гору мусора, лег на живот. – Я кого попало за Барьер не вожу.

Гонта медленно и неуклюже взобрался на возвышенность. Двигаться при отключенной сервомускулатуре – удовольствие ниже среднего.

Впереди, метрах в трехстах за перекрестком, мутной непроницаемой стеной возвышался купол Барьера.

Разлом улицы упирался в дрожащую, клубящуюся серую субстанцию и исчезал в ней, но внимание Гонты привлек не Барьер, а крысы, перебежавшие от здания к зданию.

– Надо же... Живые. – Он подался вперед, стараясь вытя-

нуть шею, но тяжелая экипировка не позволила.

Монгол вновь с подозрением покосился на него.

– Крыс никогда не видел?

– Видел, конечно, да уж и забыл, как эти милашки выглядят. – Гонта продолжал наблюдать. – До Катастрофы я диггером был. Жил в Новосибирске, все городские подземелья излазил.

– Зачем? – сухо осведомился Монгол.

– Адреналин, – охотно пояснил Гонта. – Кроме метро под Новосибирском много всяких подземелий. Некоторые по пять-шесть уровней насчитывают. Их еще в прошлом веке, во время войны построили. Чего там только нет! Склады военные, резервные командные пункты, убежища, в одном тоннеле даже техника боевая стоит. На случай войны. Интересно было. Городские коллекторы, «кабельники», подземные речки, заброшенные бункера, – драйв, в общем...

Монгол лишь хмыкнул в ответ.

Мир ласкового солнца, живых растений воспринимался в тускнеющих с годами воспоминаниях, как потерянный Эдем, врата которого захлопнула за спиной Катастрофа. Он откровенно не понимал, зачем спускаться во влажный стылый мрак, бродить в нечистотах, какой в этом толк? Что за удовольствие – уходить от солнца в мрачные, полуразрушенные временем бункера?

– Разные мы с тобой, – буркнул Гонта, словно прочел его мысли. – Меня в пятьдесят первом заживо похоронило. Я с

тех пор только металлизированных тварей и видел... А ты зачем за Барьер подался? Жил бы себе...

Монгол уже не слушал его. Беспилотник, круживший в небе, резко ушел на посадку.

– Затихни!

В этот миг бледное зарево полыхнуло над руинами.

Гонта умолк на полуслове, Монгол болезненно поморщился: удар электромагнитного импульса вызвал вспышку острой боли – его импланты отреагировали на электромагнитный разряд, а вот Гонта даже не вздрогнул.

Через пару секунд помутившееся сознание прояснилось.

– Перезагружай системы, – поторопил сталкер своего попутчика. – И так из-за тебя целый час потеряли!

* * *

Пока Гонта возился с бронекостюмом, реактивируя управление сервомускулатурой, Монгол возобновил пристальное изучение подступов к Барьеру.

Его внимание привлекло одно из полуразрушенных зданий, возвышающихся над перекрестком.

На высоте шестого этажа, где оползень бетонных обломков вплотную примыкал к стенам высотки, за безобразной пробоиной внезапно проступили слабые, мятущиеся отсветы. Минуту назад, до удара электромагнитных излучателей, в проломе царил плотный сумрак.

Костер? Скуластое, широкое лицо Монгола помрачнело. Похоже, импульс разрушил чью-то маскировку, но какой идиот станет разводить огонь в руинах?

Гонта пошевелился, перехватил автомат, жестом давая понять, что готов двигаться дальше.

– Замри. – Монгол выглядел раздосадованным.

После удара ЭМИ-излучателей прошла всего минута, но в небе уже появились беспилотные боевые машины, а со стороны Барьера послышался лай собак. Военные времени не теряли.

Оценив примерную расстановку сил, сталкер принял решение: затаиться и переждать, пока пройдут патрули.

– Чего ждем? – просипел Гонта.

– Свет костра видишь? Какие-то туристы в руинах. А точка входа в подземелья как раз за тем зданием. Военные ответ уже наверняка заметили. Сунемся туда – нарвемся на патруль.

– И долго нам ждать?

– По обстановке.

Досадуя на неожиданное обстоятельство, способное серьезно осложнить дальнейшее продвижение, Монгол отложил автомат, достал бинокль. При неработающем расширителе сознания приходилось пользоваться примитивными приборами.

Через минуту он понял, что отсветы, мятущиеся в руинах, – только половина проблем. В узком разломе улицы на

подступах к перекрестку наблюдалось смутное, едва различимое движение. Скорее всего – караван контрабандистов. Двигается в тени зданий, сквозь марево ядовитых испарений, зная, что военные без особой необходимости не станут приближаться к линии тектонических разломов.

Расчет верный, но проводнику каравана не виден свет костерка, разведенного в здании. А вот патрули его уже заметили, дежурное звено беспилотных роботов, ловко перебирая механическими конечностями, подбиралось к полуразрушенному небоскребу со стороны проплешины бывшего парка.

Каравану с ними уже точно не разминуться.

Монгол убрал бинокль, вскинул автомат, приник к оптическому прицелу, повел стволом, осматривая пролом в стене здания.

«Точно – туристы...» – неприязненно подумал он, заметив троих парней в новенькой камуфлированной экипировке. Они не подозревали, что их маскировка разрушена. Двое сидели у костерка, третий, стянув дыхательную маску, курил, стоя у покосившегося оконного проема. В глубине этажа горкой свалено снаряжение, видимо, искатели острых ощущений собирались «покорить» очередной небоскреб, сфотографироваться на фоне разрушенного мегаполиса и мутного купола Барьера.

Лай собак приближался. Со стороны проплешины старого

парка к зданию целеустремленно двигалось звено «ОРПов»⁴.

...Один из сидевших у костра услышал шум осыпающихся камней, вскинул голову, отгоняя свинцовую усталость. Шутка ли – пройти три километра по руинам?

– Ну, чего там? – обеспокоенно осведомился он.

Тот, что курил у оконного проема, обернулся.

– Да вроде тихо все. Светает. Алекс, у меня просто башню сносит. Смотрю и даже не верится... Дай камеру, тут проспекты как на ладони, и две высотки, у самого Барьера...

Сталкер переместил прицел. Караван остановился – видно, проводник все же заподозрил неладное. Боевое охранение, получив приказ, рассыпалось по прилегающим руинам, занимая позиции. Эти шутить не станут. С военными контрабандисты либо договариваются заранее, либо бьются на смерть.

Сталкер внимательнее присмотрелся к проводнику, возглавляющему караван.

Да это же Молох! Правая рука Дьякона!⁵

С фанатиками Пламенного Креста у военных особые от-

⁴ «ОРП» – охранный робот периметра. Выпускаются в трех модификациях, на шагающем, колесном и гусеничном приводах. Попадая в границы отчужденных пространств, быстро становятся добычей скоргов. Среди сталкеров известны как «ЭРЗы» – эволюционировавшие роботы зоны, относящиеся к классу «примитивов».

⁵ Дьякон – основатель секты «Пламенный Крест», отряда хорошо организованных воинствующих фанатиков, поставивших себе целью истребление научных групп, занимающихся изучением отчужденных пространств.

ношения. Тут даже за деньги ничего не изменишь. Слишком много кровавых долгов числится за Дьяконом в Сосновом Бору.

Значит, Молох ведет караван на свой страх и риск, полагаясь на опыт, удачу и наемников, сопровождающих груз.

– Гонта, у нас проблемы, – оценив ситуацию, сухо сообщил Монгол. – Нужно перебираться на другую сторону улицы. Видишь огрызок лестницы в глубине руин?

– Вижу.

– Пойдешь первым, я прикрою. Только не тормози, понял? У нас пара минут, не больше.

– А что случилось-то?

– Пошел! В темпе! – вместо ответа прикрикнул Монгол.

Гонта лишь скрипнул зубами, но ослушаться не посмел. Привстав, он неуклюже перевалился через огрызок стены и начал быстро спускаться по осыпи обломков в затянутый желтоватым туманом разлом улицы.

* * *

Фигура сталкера исчезла в оранжевом сумраке.

Монгол ждал его появления на противоположной стороне обрамляющих улицу руин, но, видимо, что-то стряслось в границах принесенного ветром облака ядовитых испарений, на минуту закрывшего видимость. Шли драгоценные секунды, но Гонта так и не появился на заранее намеченном ру-

беже.

«Проклятье...» – мысленно выругался Монгол.

Хрупкая утренняя тишина внезапно брызнула звуками: сопровождавшие караван наемники заметили приближение «ОРПов» и тут же открыли ураганный огонь. Из руин зданий сипло зачастили очереди импульсных автоматов, со стороны перекрестка внезапно полыхнул всплеск пламени, глухо ударил взрыв, парень, беспечно куривший у окна, испуганно присел, озираясь по сторонам, не понимая, что происходит.

Яростная перестрелка, вспыхнувшая в руинах, мгновенно охватила целый квартал.

Подбитый «ОРП» чадно вспыхнул, остановившись на середине перекрестка, с соседних «высоток», где располагались наблюдательные пункты военных, захлеб ударили крупнокалиберные импульсные пулеметы, в зданиях, что казались покинутыми, вдруг обозначились стремительно перемещающиеся силуэты человеческих фигур. Кто они – сталкеры, рискнувшие выйти за границу Барьера, очередная группа экстремалов или просто бродяги, обитающие в руинах, уже не важно. Без боя через перекресток теперь не пройдешь. И Гонта, как назло, куда-то исчез, будто сквозь землю провалился!..

Монголу совершенно не хотелось ввязываться в перестрелку между военными и фанатиками Пламенного Креста. Пустая трата времени и боеприпасов.

А какие варианты? Квартал уже наверняка оцеплен.

Привстав, Монгол приготовился к рывку через улицу, боковым зрением заметив поджарые, стремительные силуэты собак, спущенных с поводков. Псы рвались к перекрестку, лавируя среди оплывших гор строительного мусора.

Что с караваном? Он бегло оценивал обстановку. Наемники, сопровождавшие груз, засели в окрестных зданиях, сдерживая военных на дальних подступах, в то время как носильщики, подгоняемые Молохом, спешно преодолевали опасный участок, стремясь добраться до перекрестка и укрыться в спасительных подземельях.

Не успели.

Над перекрестком всколыхнулся жуткий протяжный вой. Вырвавшиеся вперед псы, натасканные на убийство, внезапно сами стали жертвами, – Молох, прикрывая носильщиков, припал на одно колено за выступом бетонной плиты, поставил ИПК⁶ на сошки и резал длинными очередями, – пространство перекрестка вспарывало фонтанами гравия, по стенам барабанили осколки, тела собак разносило влажными ключьями плоти...

Руины постепенно начало затягивать пылью, и Монгол рванулся вперед, но не пробежал и пяти шагов, как в бой вступили новые силы. К месту внезапно вскипевшей схватки подтянулось несколько десантных машин – звонкий лай их автоматических пушек сложно спутать с другими звуками. Огненные трассы вспороли сумрак, снаряды начисто

⁶ ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. В просторечье «карташ».

сносили укрытия, разрывы, словно титанические жернова, прошлись по руинам, сметая позиции наемников, вдоль земли начало расползаться еще одно облако гари, лишь редкие светлячки рикошетов вырывались из черно-оранжевой, кипящей клоаки, бессильно взмывая в небеса. Со всех сторон доносились бессвязные крики, два беспилотных вертолета внезапно пронеслись в теснине улицы, тугие очереди их курсовых орудий хлестнули по перекрестку, расшвыривая тела носильщиков, уничтожая груз, взрывая фасады близлежащих построек фонтанами дымящихся обломков.

Желтый туман свивало рваным кружевом. Монгол нырнул под прикрытие эфемерной завесы, пробежал еще несколько шагов и едва не споткнулся о распластавшуюся в неглубокой воронке фигуру, закованную в тяжелую броню.

Монголу бы пробежать мимо, нырнуть в спасительный пролом, а дальше – вниз по изувеченным лестничным маршам, во мрак подземелий, к трещинам и тоннелям, ведущим в нужном направлении, но... слабый стон и полный невысказанной муки взгляд остановили его.

– Гонта? – Он резко присел. – Живой?

В ответ раздалась лишь бессвязная ругань.

– Идти сможешь? – Не дождавшись вразумительных пояснений, Монгол принялся осматривать экипировку сталкера, пытаясь найти повреждения брони, но Гонта слабым движением руки вцепился в его запястье.

– Там... – Взгляд указал на подсумок. – Резервный энер-

гоблок... Торговца убью... – хрипел он.

Монгол мгновенно понял, что случилось. Этому придурку подсунули бракованный энергоблок, а семьдесят килограммов брони при неработающих сервоусилителях – просто груда металлолома. Вот что остановило Гонту. Заранее надо экипировку готовить, а не на честность торговцев уповать!

Сноровисто заменив источник питания бронекостюма, Монгол протянул руку.

– Хочешь жить – вставай!

Неподалеку уже отчетливо слышался зловещий равномерный гул. Перестрелка не утихала, но теперь к звукам автоматического огня добавились глухие разрывы гранат и хруст бетонного гравия, крошащегося под гусеницами многотонной боевой машины.

Гонта тяжело поднялся, слепо нашарил оружие, но вдруг над краем неглубокой воронки, выдавливаясь из сумрака, появился приземистый силуэт роботизированного артиллерийского комплекса.

Сталкер не растерялся, лишь подался назад, пытаясь вырвать из подсумка плазменную гранату, но его опередил Монгол.

Орудия роботизированного комплекса резко дернулись, взвизгнув сервомоторами, доворачиваясь на цель, но Монгол оказался проворнее. Он не слышал вскрика Гонты, не видел его оцепенелого взгляда, в котором читалось немое изумление: ты псих – с древним автоматом против брониро-

ванной машины?!

Короткая оглушительная очередь разорвала сумрак. Пули ударили в лобовой скат брони, но не ушли в рикошет, а испятнали камуфлированную поверхность зеленовато-белесыми пятнами, от которых во все стороны внезапно прыснули трещины, словно броня роботизированного комплекса превратилась в покрытое инеем хрупкое стекло.

Монгол дал еще одну очередь, и двигатель машины захлебнулся, заглох, поврежденная воздействием аномальной субстанции броня брызнула мелкими осколками, курсовые орудия выломало из гофрированных гнезд, и они, ударившись о землю, разлетелись звонким крошевом.

– Фрич – он и в Африке фрич? – ошалело просипел Гонта.

– Рванули! – Монгол вскарабкался по скату воронки, проскользнул мимо поверженного исполина, припал на колено, контролируя ближайшие руины и одновременно прикрывая Гонту.

Сбоку резанула очередь ИПК, угол здания внезапно подернулся белесой пылью и начал с треском разламываться на куски.

– Резче! – Монгол огрызнулся несколькими одиночными выстрелами, в дымном сумраке раздался чей-то вскрик, глухо ударил гранатный разрыв.

Гонта с трудом протиснулся в узкий разлом, оказавшись внутри обширного помещения с продавленным потолком.

– Вниз! – Появившийся рядом проводник указал на огры-

зок бетонного лестничного марша.

Через минуту спасительный мрак подземелий поглотил фигуры сталкеров.

* * *

Бой на перекрестке постепенно стих. Разросшееся дымопылевое облако затянуло окрестности, снижая видимость, военные в этой ситуации не решились на повторную атаку, и сейчас звуки перестрелки рассыпались в отдалении, где-то в соседних кварталах.

К Молоху подтянулись уцелевшие наемники, но, похоже, судьба каравана была предрешена, – тела носильщиков разбросало взрывами, груз разметало в радиусе нескольких сот метров.

– Держать позицию! – хрипло проорал Молох. Обернувшись, он метнулся к одному из тюков, проверил содержимое, затем, что-то прорывав, огляделся вокруг.

Те из носильщиков, что уцелели под огнем, побросали товар и бежали, пока он в одиночку сдерживал натиск военных.

Трусливые твари!

Что же делать? Как доставить груз?

– Каждый схватил по тюку! – обернувшись, приказал он наемникам. – Тащите их внутрь здания! В темпе! Собираем всё!

Наемники нехотя подчинились. Работать носильщиками

они не станут, Молох прекрасно понимал ситуацию. Максимум, что он может сделать сейчас, это собрать с их помощью груз и спрятать его, чтобы вернуться позже.

Из сумрака появились еще двое боевиков секты. Уже неплохо. Хоть эти уцелели.

– Что с остальными?

– Погибли.

На зубах скрипела пыль. Молох сплюнул и направился внутрь здания. Наемники уже выполнили приказ – большинство тюков, те, что не разворотило попаданиями, были свалены в груды у спуска в подземные тоннели.

– А это кто? – Молох остановился, глядя на бледного тощего парня, испуганно вжавшегося в стену.

– Турист. Прятался на этаже.

Молох ожег парня пристальным взглядом, затем обернулся.

– Хлыст, на два слова.

Командир наемников кивнул, жестом указал бойцам – занять позиции наблюдения, затем хмуро спросил:

– Ну, чего еще?

– Нужно доставить груз. Плачу вдвое.

– Не вариант. Мы налегке. Без сервоусилителей и брони через зону повышенной гравитации не пойдём.

– Я же сказал, заплачу!

Командир наемников отрицательно покачал головой.

– Мы свой контракт отработали. Вот спуск в тоннели, вот

твой груз. Остальное – не мои проблемы.

– Не хочешь заработать? – скрипнув зубами, Молох с трудом сдержал рвущуюся наружу ярость.

– Беспольный разговор, – уперся Хлыст. – Ты в броне, мы нет. Что такое тройная гравитация Барьера, я знаю. С тюками на плечах мы и половины пути не выдержим. Максимум на что можешь рассчитывать – минут десять мы еще в здании продержимся. Пока ты груз в тоннели спускаешь.

– Ладно... – хищно оскалился Молох. «С тобой, тварь, я еще поквитаюсь!» – яростно подумал он, затем стрельнул взглядом по сторонам, вспомнив о парне, что так и стоял, прижавшись к стене. – Ты кто такой?

– Тим... – сдавленно выдавил тот. – Я случайно... Мы не хотели...

– Заткнись! – Молох жестом указал на груз. – Схватил тюк и понес! Живо, иначе пристрелю!

За границей Барьера.

Отчужденное пространство Соснового Бора

Лаз, ведущий на поверхность, находился на склоне поросшего металлической растительностью холма.

Монгол первым выбрался наружу, осмотрелся, сделал знак Гонте: можешь подниматься.

Тайный выход из подземелий был оборудован по всем правилам: оба сталкера оказались в подготовленном укрытии, у вершины господствующей над прилегающей местно-

стью высоты. Отсюда легко заметить опасность, избежать за-
сады.

Гонта присел, осматриваясь.

Когда-то здесь высились «каменные джунгли» одного из микрорайонов мегаполиса, но постепенно от этой части города-гиганта остались лишь оплывшие холмы, заросшие металлорастениями, да невысокие огрызки руин, над которыми теперь царила архитектура техноса: футуристические сооружения, сплетенные из автонов, рвались ввысь, переплетались между собой, образуя сложные, абстрактные, загадочные формы.

Постройки скоргов закрывали небо, под сенью исполинских конструкций царил багряный сумрак. Трещины, образовавшиеся в земной коре еще во время Катастрофы пятьдесят первого года, здесь были намного шире, они источали красноватое сияние, из недр исходил жар, ядовитые испарения лениво истекали из разломов, зловещую мглу часто пронзали электрические разряды, в распадках между холмами пузырились зеленоватые лужи фрича.

Новая реальность, среда обитания эволюционировавших машин, – худшее место для человека, где каждый квадратный сантиметр пропитан токсинами, на каждом шагу встречаются обломки былого величия цивилизации людей, но они – уже прошлое.

Если Гонта созерцал окрестности с несвойственным сталкеру всевозрастающим напряжением, то Монгол наконец по-

чувствовал себя как дома. Имплантированное «Сердце зверя» постепенно заряжалось, заработал главный метаболический имплант, вслед за ним подключился расширитель сознания.

Окружающая реальность давно не вызывала у него дрожи. Здесь все выглядело привычно, знакомо, – он был одним из тех, кто принял новую среду обитания, приспособился к ней, выучил правила выживания, написанные кровью сотен сталкеров.

Монгол устало прикрыл глаза, не утратив при этом способность воспринимать окружающее.

Исковерканное пространство не выглядело для него мертвым. В сознании сталкера термин «природа» давно заменило понятие «техносфера», или, если выразаться короче, лаконичнее – «технос».

Сотни разновидностей механоидов обитали под сенью металлических джунглей.

Миллиарды скоргов таились во мгле, образуя многочисленные колонии, десятки разновидностей металлорастений образовывали настоящие заросли, которые могли убить, а могли и спасти жизнь, в зависимости от того, обладал ли человек, дерзнувший выжить в царстве машин, достаточными знаниями об окружающем мире, имел ли он мужество принять новую данность и следовать ее законам.

– Расслабься. Тут безопасно. Минут десять можно передохнуть.

Гонта кивнул, сполз на дно укрытия. Он был измотан долгим переходом через зону повышенной гравитации.

Монгол же, напротив, преобразился, ожил, словно слабые эманации таинственных энергий Узла придавали ему сил, возвращали к жизни, изгоняя усталость, меняя настроение к лучшему.

Импланты уже заработали на полную мощность, и в сознание тут же вкралась тревожная нотка.

Мысленно разобравшись с источником неприятного ощущения, Монгол вскрыл тайник и начал переодеваться. Экипировку, предназначенную для выхода за пределы аномальных пространств, он быстро и аккуратно упаковал в защитный пластиковый контейнер, на смену ей достал облегченный вариант полевой брони, на девяносто процентов состоящий из легких, но чрезвычайно прочных, стойких к агрессивным средам композитных материалов.

Движения сталкера были уверенными, сноровистыми. Единственным, но беспощадным учителем для него стали отчужденные пространства, об усвоенных уроках говорили рубцы и шрамы на теле, а также десятки имплантов, сформированных мастерами-мнемотехниками в местах, где организм был инфицирован дикими колониями скоргов.

Сменив экипировку, он достал из тайника СВК⁷.

Гонта по-прежнему сидел, прикрыв глаза, наслаждаясь минутами покоя.

⁷ СВК – снайперская винтовка системы Каргашова.

Монгол не стал его тревожить. Просьбу Славки он выполнил и теперь волен заняться собственными делами. Хотя Гонта вызывал в нем чувство подсознательного недоверия. «Надо бы «пробить» его по базам данных сталкерской сети...» – подумал Монгол, перемещаясь в замаскированную стрелковую ячейку, оборудованную в комплексе с укрытием.

Заняв позицию, он припал к оптическому прицелу. В багряной полумгле действительно что-то двигалось, подтверждая данные, полученные от имплантов.

Внезапным порывом налетел ветер, принеся с собой нудную морось кислотного дождя. Мельчайшие капли агрессивных химических соединений, соприкасаясь с толстыми ветвями древовидных автонов, тут же «вскипали», оставляя в серебристом материале мельчайшие оспинки, выделяя ядовитые испарения, и вскоре в багряном сумраке появились ключья желтоватого тумана.

В оптическом прицеле, продавливаясь сквозь желтоватую муть, возникли четыре фигуры.

Трое боевиков группировки Пламенный Крест, облаченных в легко узнаваемую экипировку секты, двигались по пространству бывшей городской улицы, пробираясь между завалами бетонных обломков, нагромождений старой техники, настолько проржавевшей и деформированной, что на нее уже не позарится ни один скорг. Во главе группы двигался Молох. «Живучий», – расстроился Монгол. Фанатиков Пламенного Креста он откровенно не любил, в основном за их

ничем не оправданную жестокость. Группу сильно потрепали военные, от каравана теперь осталось одно название.

Молох потерял в схватке часть брони, в том числе и боевой шлем, – его лицо скрывала сейчас лишь дыхательная маска, лысина сталкера поблескивала от влаги. Он ловко и бесшумно перебежал от укрытия к укрытию, останавливаясь лишь на мгновенья, чтобы окинуть сканирующим излучением имплантов ближайшие руины, склоны холмов да предстоящий отрезок пути.

Следом за Молохом двигались двое высоких, худых фанатиков, сгорбившихся под тяжестью объемистых тюков, за ними, пошатываясь, брел высокий, худощавый парень в изодранной одежде.

Монгол коснулся сенсора. Прирученная колония скоргов, живущая в стареньком оптическом прицеле, отреагировала на серию импульсов, увеличивая и детализируя изображение. Точно. Зрительная память не подвела – это был именно тот парень, которого он видел у оконного проема многоэтажки перед самым началом схватки.

Ситуация ясна как день. Лишившись носильщиков, Молох захватил незадачливого экстремала, навьючил его и погнал через Барьер.

Парень едва переставлял ноги. Его участь была предрешена: если не рухнет замертво по дороге, то станет добычей скоргов. Фанатики его попросту пристрелят, это в лучшем случае.

Для большинства сталкеров подобная ситуация не стала бы дилеммой. Кто решится связываться с Молохом из-за какого-то «мотылька»⁸, случайно попавшего в отчужденные пространства? Врагов себе наживать – дураков нет, да и что возьмешь с незадачливого экстремала? Назад через Барьер его тащить?

* * *

Гонта постепенно пришел в себя после долгого изнурительного перехода через Барьер.

Артефактный накопитель исправно заработал, накапливая заряд, теперь энергии для работы систем бронекостюма достаточно, можно не беспокоиться о сменных блоках питания – «Сердце зверя» постоянно подзаряжалось от многочисленных энергополей, излучение которых пронизывает все аномальные пространства.

Он задействовал расширитель сознания, осмотрелся.

Мутный купол Барьера сканировался примерно в трех километрах. Укрытие проводника располагалось на склоне одного из оплывших, заросших исполинскими автонами холмов, в которые превратились городские здания. Здесь, в границах отчужденного пространства, разрушения носили из-

⁸ «Мотылек» – на жаргоне обитателей отчужденных пространств, неимплантированный сталкер. Выживание «мотыльков» целиком зависит от состояния экипировки с замкнутыми циклами жизнеобеспечения.

бирательный, прихотливый характер. Невдалеке темной глыбой виднелся целый микрорайон, практически не пострадавший в момент Катастрофы, но серьезно потрепанный пульсациями Узла, правее, километрах в двух от точки сканирования, множественные энергетические всплески отмечали границы военной базы, расположившейся на расчищенных от металлической растительности территориях.

Такой смешанный ландшафт, где цепочки холмов господствовали над разветвленными оврагами, соседствуя с кварталами руин, был характерен для Соснового Бора.

Монгол вывел его в достаточно дикую область, изобилующую убежищами. Каждая из многочисленных возвышенностей на самом деле являлась оплывшими руинами здания, внутри, под панцирем спрессованного строительного мусора, таилось множество различных помещений, как исследованных сталкерами, так и не тронутых со времен Катастрофы.

Несмотря на близкое соседство военной базы, места дикие, нехоженые.

Надо выбираться отсюда. До тамбура еще топтать и топтать. «Непонятно, куда подевался Монгол? – Гонта мысленно переключился на ближнее сканирование. – Ага, у него тут еще и стрелковая ячейка оборудована. И с кем же ты воевать собрался, дружище?»

Гонта увеличил радиус сканирования. Обобщенная расширителем сознания картина происходящего ему вовсе не

понравилась. По оврагу между холмами двигались жалкие остатки каравана фанатиков Пламенного Креста, вслед за ними, укрываясь в зарослях металлорастений, словно стая шакалов, крались десятка два неимплантированных сталкеров, но что самое удивительное – вольные старатели, рассчитывающие на легкую поживу, не подозревали, что за ближайшим поворотом оврага накапливается группа сталтехов, – механическая нежить предчувствовала скорую схватку, надеясь поживиться трупами фанатиков и «мотыльков».

«Пищевая цепочка...» – проскользнула полная злой иронии мысль.

Монгол, судя по всему, собрался выставить Молоху смертельный счет, иначе зачем ему понадобилась в дополнение к автомату еще и снайперская винтовка?

«Ладно, – подумал Гонта, мысленно наметив маршрут, – ты тут забавляйся, а я пошел».

Он незаметно покинул укрытие и, отыскав тропу, проложенную механоидами в чаще металлокустарников, направился в противоположную от Барьера сторону.

У него даже не возникла мысль предупредить Монгола о приближающейся опасности.

* * *

У каждого обитателя отчужденных пространств своя жизненная философия.

Немногие способны выжить среди эволюционной борьбы техноса, но те, кому это удалось, сформировавшихся взглядов уже не меняют.

– Молох! – сухо произнес Монгол, активировав чип мьюфона.

Сталкер, двигавшийся во главе группы, тут же остановился, резко присел, двое фанатиков, тащивших тяжеленные тюки, метнулись в укрытия, бросив драгоценное имущество, лишь захваченный в плен парнишка остался стоять, отупевший от невыносимой пытки перехода через гравитационный Барьер, уже успевший отчаяться и потому безучастный к окружающему.

– Кто тут?! – яростно прохрипел Молох. Прижавшись спиной к угловатому обломку гранитной глыбы с позеленевшей бронзовой табличкой, он несколько секунд безуспешно пытался обнаружить позицию сталкера, затем взглянул на миниатюрный дисплей нанокомпа, но не увидел на карте местности ничего нового. Пеленг сигнала мьюфонной связи отсутствовал.

Молох грязно выругался. «Метаморф, будь он неладен. Закрылся искажением реальности, тварь...»

– Ты у меня на прицеле. Не дергайся. Поговорим?

– Чего надо? – Молох плотнее прижался спиной к гранитному обломку какого-то постамента, принесенного сюда одной из пульсаций. Монгол видел его оружие, правую руку, плечо и часть головы. ИПК Молоха, изготовленный к бою,

сталкера не впечатлил.

– Не дури. Все равно не успеешь, – спокойно произнес он.

– Чего надо? – хрипло переспросил Молох. – Кто ты? Назовись!

– Парня оставь в покое. А сам можешь убираться.

– Не наглей! Он – наша добыча!

– Предпочитаешь пулю? – холодно спросил Монгол. – Даю тебе десять секунд!

Молох был взбешен, но не настолько, чтобы рискнуть головой из-за какого-то «мотылька», вконец обессилевшего, медленно и безучастно осевшего на землю под непомерной тяжестью груза.

Монгол терпеливо ждал. Ситуация для фанатиков складывалась безвыходная. Обнаружить укрытие снайпера, замаскированное плотными зарослями металлического кустарника, им не под силу.

– Ладно... – секунду подумав, хрипло ответил Молох. – Но учти, гаденыш, я тебя вычислю!

– Забирай свои тюки и проваливай, – холодно ответил Монгол. Он по-прежнему держал боевика секты на прицеле, зная, что тот способен на любую пакость, и не ошибся. Подойдя к обессилевшему парнишке, Молох, делая вид, что намеревается забрать груз, внезапно выхватил «страйк»!

Сухо ударил одиночный выстрел. Молох, получив пулю в плечо, дико взвыл, крутанувшись на одном месте, упал, зажимая рукой кровоточащую рану, и тут же начал отползать,

стремясь укрыться за обломком гранитного постамента.

– Огонь! – хрипло проорал он.

Двое рядовых боевиков секты замешкались, пытаясь определить позицию снайпера, но металлические заросли глухо молчали, надежно блокируя сканирующее излучение имплантов.

Молох, привалившись спиной к гранитной глыбе, вновь яростно заорал:

– Стреляйте, твари!

По склону холма наугад хлестнули очереди двух «штурмов», игольчатые пули с визгом срубали металлические ветви, вспарывали землю, крошили камень.

Монгол пристально наблюдал за боевиками через оптический прицел. В надежно оборудованном укрытии ему ничего не угрожало, так есть ли смысл плодить сталтехов?

Терпение сталкера лопнуло, когда боец секты, разрядив автоматный магазин, рванул из подсумка плазменную гранату.

Упреждая роковой бросок, дважды ударила СВК, фанатик безвольно ткнулся лицом в землю, не успев активировать взрыватель, второй, которому пуля лишь повредила боевой шлем, конвульсивно вскочил; дезориентированный ошеломляющим ударом, он продолжал давить на сенсор огня, и длинная, бесконтрольная автоматная очередь щедро полоснула по склонам окрестных возвышенностей.

Среди зарослей автонов раздался чей-то болезненный

вскрик.

* * *

Тим уже отчаялся выжить. Лежал, придавленный грузом, изможденный переходом через зону повышенной гравитации, тупо и безучастно глядя в хмурое небо.

Он бы не сдался так просто, но силы закончились. Сталкер, что безжалостно гнал его по подземным переходам, грозя пристрелить, как только Тим спотыкался, куда-то исчез. После внезапной перестрелки Тим с надеждой подумал: «Военные». Он уже давно потерял ориентацию в пространстве и времени, но стоило чуть приподнять голову, осмотреться, как чувство обреченности вернулось с прежней остротой – он находился в границах отчужденного пространства, об этом немо свидетельствовали гигантские металлизированные деревья, что вздымались из руин, смыкаясь над головой жутким шатром ртутно поблескивающих крон.

Руки и ноги казались ватными. В ушах шумело, слабые попытки выбраться из-под тюка с непонятным грузом вызывали резкие приступы головокружения. Но хуже физического недомогания был страх. Ему казалось, что по телу уже семят тонкие металлизированные лапки, участки кожи внезапно охватывал нестерпимый зуд, такой сильный, что хотелось впиться ногтями и рвать пораженные участки плоти, невзирая на боль.

Тим не понимал, что это всего лишь капли ледяного пота скатываются под одеждой, щекотливо пробегая по коже.

* * *

Сталкеры, что уже четверть часа пробирались сквозь заросли автонов, следуя за потрепанным караваном, не были постоянными обитателями отчужденных пространств.

Подобных групп в последнее время появилось множество. После опустошений, вызванных попыткой техноса взять под контроль отчужденные пространства, спрос на техноартефакты резко вырос. Корпорациям Внешнего Мира, жестко конкурирующим между собой в новом витке гонки технологий, постоянно требовались все новые и новые образцы видоизмененных скоргами устройств.

Казалось бы, какой прок способны извлечь многочисленные исследовательские центры из нефункциональных фрагментов «изделий техноса»? Любой техноартефакт, покидая границы аномальных пространств, превращался в муляж: колонии наномашин, лишившись источника энергии, застывали в стасисе.

Ответ был прост. Во-первых, некоторые достаточно редкие виды металлических растений состояли из уникальных сплавов. Получить их аналоги пока не удавалось даже в лабораторных условиях, однако новые материалы уже нашли практическое применение в промышленности и пользова-

лись ажиотажным спросом. Во-вторых, скорость эволюционного развития техноса в разы опережала темпы «естественного» научно-технического прогресса. Скорги оптимизировали и совершенствовали хорошо известные устройства, зачастую превращая исходные «изделия» в нечто, выходящее далеко за рамки присущей человеку технической мысли. Изучение модернизированных техносом устройств позволяло понять, «как это сделано», а затем применить полученные знания на практике, совершая немыслимые ранее технологические прорывы.

Ведущие мировые корпорации первыми осознали поистине безграничные перспективы, открывающиеся при планомерном изучении «изделий техноса», ведь каждая пульсация вела к мутациям скоргов, приносила что-то новое, неведомое.

Теневой рынок техноартефактов стремительно расширялся, но традиционные каналы поставки уже не могли удовлетворить возрастающий спрос. Внешний Мир наконец понял, что обладание технологиями скоргов – это залог стремительного развития, процветания, конкурентоспособности.

Корпорации выкладывали огромные деньги, чтобы вовлечь в опасный бизнес перекупщиков, проводников и охотников за артефактами.

Неимплантированные сталкеры проникали в отчужденные пространства по нелегальным каналам. Они полагались только на ультрасовременную экипировку и удачу, действо-

вали группами по десять-пятнадцать человек, пересекая границы Барьеров сразу после очередной пульсации, зачастую плохо представляя, на какой отчаянный риск идут.

Над ними властвовали страх и алчность, они не понимали природы отчужденных пространств, не знали особенностей поведения механоидов и скоргов, – совершая короткие рейды в глубь аномальных территорий, подобные группы преследовали только одну цель: как можно быстрее набить рюкзаки «товаром» и убраться прочь.

Настоящие сталкеры являлись для них такими же адскими порождениями враждебного пространства, как и исчадия техноса, – убить и ограбить коренного обитателя Пятизонья считалось нормой.

– Обнаружили снайпера? – Командир группы «диких старателей» резко присел, как только над головой засвистели пули.

Остальные рассыпались по склону.

– Есть! Засек! – пришел по связи короткий торжествующий возглас.

Через локальную сеть тут же были переданы координаты.

– Значит, так! Сначала валим снайпера, затем добиваем тех, внизу! – распорядился старший. – Сегодня нам повезло, захватим товар и назад!

В следующий миг шквал огня обрушился на позицию Монгола.

«Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый встречный – твой учитель».

Так наставлял молодых сталкеров Приор Глеб. Будь спокоен и рассудителен, оценивай свои силы, не иди на поводу у чувств, – вокруг тебя действуют силы, которым неведомо сострадание, изучай их повадки, избегай бессмысленных столкновений, сначала думай, а уж затем – действуй.

Философия Ордена работала лишь частично, она помогала воспринимать аномальные пространства как явление, но с ее помощью не удавалось оценить поступки людей, да и культивировать собственную отрешенность, умение встать над событиями, удавалось далеко не всегда.

– Гонта, прикрой! – Монгол, прижатый к земле шквалом огня, не мог поднять голову, пули крошили камень, высекали снопы искр из покореженных, ржавых, сросшихся с автомашинами металлоконструкций.

Молох, воспользовавшись внезапным обострением ситуации, бросил обессиленного пленника, отползая в сторону невысоких руин. Из его простреленного плеча, пятная землю, сочилась кровь.

Ситуация не оставила Молоху иного выбора, кроме бегства, но группе «диких старателей» повезло еще меньше. Во-первых, база Пламенного Креста располагалась непода-

леку. Во-вторых, поживиться среди имущества разгромленного каравана было нечем, вряд ли охотникам за артефактами нужны продукты питания и предметы первой необходимости.

Мысль промелькнула и исчезла.

– Гонта! – Монгол ползком сменил позицию, осмотрелся.

Сбежал... Даже маркер мью-фона не сканируется. Ладно.

Сам разберусь...

Молох уже исчез в руинах, парнишка, из-за которого все и началось, скорчился среди брошенных тюков и трупов – он был жив, лишь мелко, конвульсивно вздрагивал, инстинктивно вжимаясь в землю.

Охотники за артефактами, потеряв цель, прекратили огонь. Фигуры в тяжелой герметичной экипировке покинули укрытия и теперь осторожно приближались к месту последней стоянки каравана.

Надо бы уходить, но жаль парня, попавшего сюда не по своей воле...

Осмотревшись, Монгол наметил следующую позицию, ужом прополз выше по склону, переключил частоту связи мью-фона и резко окликнул пробирающихся по каменистым осыпям «диких старателей»:

– А ну назад! Предупреждаю один раз!

Те на миг застыли, как вкопанные, затем метнулись в стороны, рассыпались по укрытиям, огрызаясь короткими беспорядочными очередями из импульсных «штормов».

«Говорил мне Антрацит: развивай способности метаморфа», – зло подумал Монгол, когда фонтанчики пыли и щебня вспороли склон в полуметре от него. Предупреждение не подействовало, а вот сканеры противника оказались на высоте, засекли его позицию.

Теперь отступать поздно, да и некуда.

Мысленное усилие форсировало работу расширителя сознания, метаболический имплант мгновенно подкорректировал скорость биохимических реакций, одна беда – «Сердце зверя» успело зарядиться едва ли на треть, и долго в форс-режиме после трудного перехода через Барьер не выдержать.

«Справлюсь...»

Мозг работал как мощный компьютер. Импланты четко фиксировали позиции всех противников, мышцы мелко дрожали от переизбытка энергии. Работать в форс-режиме, действуя стремительно, но осмысленно, учил Монгола Аскет. Эта трудная наука впоследствии не раз спасала молодому сталкеру жизнь.

Вот и сейчас он полностью контролировал ситуацию. Короткие очереди «калашников» били оглушительно, отрывисто и зло на фоне сиплого, сливающегося в вой звука, издаваемого «штормами».

Выстрел, стремительный рывок, выстрел...

Монгол полностью погрузился в ритмику боя, он работал на выживание, не допуская в сознание ни одной лишней мысли, ощущая лишь энергетическую ткань окружающего

пространства да привычную отдачу оружия.

Вокруг бесновался шквал огня, но он двигался быстрее, чем могли вообразить пришлые охотники за артефактами. Для них он стал размазанным контуром, неуловимой, несущей смерть тенью, стремительно перемещающейся на фоне руин. Один из «диких старателей» рухнул, инстинктивно схватившись за грудь, второй мешковато осел, с ужасом глядя, как прочнейшая броня покрывается трещинами, крошится под пальцами, когда он инстинктивно попытался зажать рану, – пуля, начиненная фричем, шансов не оставляла.

Еще одна очередь, и они не выдержали.

Монгол метнулся в темный пролом, зияющий в склоне холма, прижался к напитанной сыростью шероховатой стене погребенного под давними оползнями здания.

Расширитель сознания по-прежнему гнал в рассудок потоки данных. Энергетические матрицы беспорядочно отступающих охотников за артефактами отчетливо пылали перед мысленным взором, накладываясь на панораму окрестностей, но он не стал тратить силы и боеприпасы на преследование, – с остатками отряда разберутся сами отчужденные пространства. Сколько таких групп сгнуло в Пятизонье за последние месяцы, не сосчитать.

Проследив за беспорядочным, паническим отступлением противника, Монгол покинул укрытие, быстро спустился в овраг, склонился над пленником, которого Молох заставил нести груз.

– Живой?

Парень, несколько часов назад собиравшийся покорить разрушенный небоскреб, сейчас сидел, дико озираясь по сторонам, его побелевшие губы беззвучно шевелились, порванная одежда, испачканная грязью и кровью, болталась лохмотьями.

Монгол, чувствуя, что от разговоров толку не будет, насильно заставил его надеть дыхательную маску, затем помог встать.

– Как зовут-то?

– Тим... – раздался глухой ответ.

– Идти сможешь?

Тот лишь дрожал всем телом.

– Видишь промоину в склоне? Возьми себя в руки и карабкайся вверх! Иначе не выживешь!

Тим кивнул, с ужасом озираясь.

– Давай, в темпе!

Дождавшись, пока его приказ будет исполнен, Монгол склонился над одним из тюков. Нужно проверить, что же так остервенело пытался защитить Молох? Почему он лично возглавил караван?

Вскрыв матерчатую оболочку, сталкер обнаружил под ней четыре пластиковых кофра, плотно притороченных друг к другу.

На всех стояли кодовые замки, времени, чтобы возиться с ними попросту не было, – Монгол ударами приклада про-

ломил пластик, склонился над контейнером, с удивлением рассматривая его содержимое.

Он не сразу понял, что за устройства упакованы внутри. Они выглядели абсолютно незнакомыми, их маркировка ни о чем не говорила сталкеру, и лишь сканирование с использованием расширителя сознания помогло разобраться со странным грузом.

Энергоблоки!

Не раздумывая, Монгол взял несколько штук, рассовал их по карманам экипировки и в темпе начал подниматься на холм, понимая, что Молох уже вызвал помощь и сейчас тут станет по-настоящему жарко. Понаблюдать бы за фанатиками. Что они задумали? Зачем им понадобились энергоблоки, явно изготовленные промышленным способом, приспособленные для эксплуатации в условиях Внешнего Мира, когда в границах отчужденных пространств намного выгоднее и эффективнее использовать артефактные накопители, постоянно заряжающиеся от аномальных источников энергетической активности?

Размышляя над странной находкой, он быстро вскарабкался по склону, остановился подле оплывшей дыры, за которой начинался фрагмент полуразрушенного коридора, ведущего в несколько смежных помещений. За ответвлением оврага, в той стороне, куда панически бежали остатки отряда «диких старателей», с внезапной силой вновь взъярилась автоматная стрельба, ухнуло несколько гранатных разрывов,

раздались и тут же смолкли истошные, полные ужаса крики.

Холм, покрытый густыми зарослями автонов, блокировал работу имплантов, но и так понятно, – ничего доброго там не произошло. Скорее всего, старатели нарвались на представителей техноса.

«В любом случае отсюда нужно уходить, и чем скорее, тем лучше», – мысленно рассудил Монгол, постепенно, как его учил Аскет, выводя метаболический имплант из форсированного режима.

* * *

Внутри погребенных под оплывшим холмом руин царил сумрак.

Тим уже немного пришел в себя. Он сидел на полу захламленного различными обломками помещения и, как завороченный, смотрел на нежно-алое сияние, в нескольких местах пробивающееся сквозь мусор. Рука любителя экстремально-го туризма медленно тянулась к источнику необычного свечения, и Монгол едва успел схватить его за запястье.

– Сдурел?!

Тим попробовал молча вырваться, но куда там. Хватка у сталкера была железной.

– Это артефакты? – сдавленно спросил он.

Сталкер отпустил его, присел на корточки.

– Тебе жить надоело? – строго поинтересовался Монгол.

– А что я сделал? Артефакт хотел рассмотреть...

Монгол разозлился, но тут же взял себя в руки.

«А что сам, таким не был?» – мысленно упрекнул себя он. Резко навалившееся недомогание заставило его присесть. При выходе из форс-режима можно и сознание потерять за просто.

Перед глазами кружили обрывки воспоминаний. На миг он увидел себя, притаившегося в зарослях «жестянки»⁹, выцеливающего «перекати-зону». Много ли ума было? С обычным «калашом» наезжать на эволюционировавшего робота зоны? А как вдвоем со Славкой смертельно раненного сталкера, всего испятнанного скоргами, несколько километров до бункера Упыря тащили? Причем не из сострадания, а от жадности да из любопытства... Это теперь, исходив отчужденные пространства вдоль и поперек, опыта набрался, ума, сдержанности. А поначалу всякое бывало. Так что ж «мотылька» корить?

Присев на корточки, он молча разгреб скопившийся на полу хлам, осторожно, двумя пальцами взял продолговатый светящийся предмет.

– Обычно новички его хватают – и в подсумок, – криво усмехнулся он, затем сжал странный предмет в ладони, и алое свечение вдруг запульсировало. Монгол, резко повернувшись, вышвырнул артефакт наружу. Через пару секунд

⁹ «Жестянка» – заросли металлорастений. Сленговое название, возникшее по аналогии со словом «зеленка».

окрестности озарила ярчайшая вспышка.

Тим вздрогнул, невольно втянул голову в плечи. Смысл демонстрации был понятен без комментариев. Схвати он артефакт, и тот бы взорвался через пару секунд, оставив в помещении лишь пепел.

– Что это было? – немного придя в себя после внезапного потрясения, выдавил Тим.

– Раньше, до Катастрофы, – обыкновенная энергосберегающая лампочка, – ответил Монгол, поочередно извлекая из-под мусора еще два светящихся артефакта. – Мы так их и называем – «лампочки». По действию – аналог плазменной гранаты. Только капризный и непредсказуемый, – пояснил он, упаковывая артефакты в специальный подсумок. – Может, спасибо скажешь, горемыка?

Тим насупился.

– Спасибо. – На лице парня радости не отразилось. – Только что мне делать теперь?

– Не дрейфь. Жизнь за Барьером не заканчивается.

Тим растерянно осмотрелся.

– Вот это – жизнь? – У него вырвался истерический смешок, взгляд блуждал по устилающему пол, спрессованному временем хламу, затем остановился на уродливой дыре, выделяющейся серым пятном на фоне стены погребенного внутри холма помещения.

– А что, по-твоему, жизнь? – насупился Монгол. – Ты вообще зачем в руины полез?

– На спор. Мы с новосибирскими урбанистами по сети поспорили, кто круче.

– А сам-то откуда?

– Из Питера.

– Из Питера? Свой, значит? – На душе Монгола вдруг потеплело, но он сдержал воспоминания, не дал им вырваться. – Ладно, Тим. Слушай внимательно, если жить хочешь. От меня ни на шаг. Руками ничего не хватать. К металлорастениям не вздумай прикасаться. Дыхательную маску не снимать. Доведу тебя до ближайшего лагеря проводников, так и быть, сам с ними договорюсь, чтобы тебя назад за Барьер вывели. Только ты больше в руины не суйся, договорились?

Тим подавленно кивнул. Сил благодарить сталкера сейчас не нашлось. От его простых, но таких суровых слов внезапно стало тяжело на душе.

Что стало с Пашкой и Алексом, даже думать страшно... Их гибели он не видел, но что творилось вокруг?.. Вспоминать жутко. А если их... «Что же я родным скажу?..»

В этот момент снаружи вновь ударили выстрелы.

Монгол метнулся к узкому лазу, осторожно выглянул.

В разветвленной сети оврагов, поросших густыми зарослями металлорастений, намечались серьезные события. Старатели, которых он недавно отпугнул, почему-то рискнули вернуться. Их стало меньше, двигались они скорым шагом, постоянно оглядываясь, забыв про маскировку. Не то спешили убраться от неведомой опасности, не то вновь подби-

рались к брошенному фанатиками Пламенного Креста грузу.

Расширитель сознания постоянно подгружал данные, и Монгол молча перевел взгляд выше. На склоне противоположного холма его наметанный взгляд заметил с десятков рассыпавшихся цепью фигур в знакомой экипировке. Фанатики, которых, несмотря на полученное ранение, вел Молох, вернулись за имуществом разгромленного каравана. Именно они первыми открыли огонь, но не по «старателям», – на вершине холма, в недрах которого нашли убежище Тим и Монгол, к этому времени появился усиленный патруль изоляционных сил. Военные услышали стрельбу и решили выяснить, что тут происходит.

* * *

– Сиди тихо! Не высовывайся, что бы ни случилось! Я за тобой вернусь! – Монгол выскользнул наружу. Если военные вызовут подкрепление, начнут прочесывать местность и найдут Тима, то для пацана все окончится малой кровью – нададут тумачков, подержат до проверки личности в сыром подвале, потом отправят назад во Внешний Мир к маме и папе. А вот если его возьмут в паре со сталкером, то разговор будет совершенно другим. Могут и пристрелить, особо не разбираясь, кто есть кто. Да и Монголу принимать бой в тесном помещении, из которого нет второго выхода, не с руки. Не

любил он такие «мышеловки».

Военные, попав под огонь, залегли. Монгола они не заметили, и он сразу же начал забирать правее, двигаясь к своему укрытию, откуда мог проследить за ситуацией, а если потребуется – вмешаться в ход событий.

Меньше всего повезло охотникам за артефактами. Оказавшись между двух огней, они попытались отступить, но внезапно у них в тылу показали два «изделия техноса».

Монгол сразу заподозрил неладное. Примитивные механизмы, вопреки обыкновению, не спешили вступить в схватку, они остановились, блокируя выход из ложбины, не реагируя на ситуацию, до тех пор, пока перепуганные старатели не спровоцировали их, открыв беспорядочную стрельбу.

В ответ с оружейных подвесок двух рапторов ударили армганы¹⁰. Механизмы обработали разношерстную группу старателей десятисекундным шквалом лазерных разрядов. Несколько дымящихся тел остались лежать на дне оврага, выжившие панически бросились искать спасения в случайных укрытиях, мгновенно забыв о попытках сопротивления.

Механоиды несколько мгновений вели активную разведку, затем, зафиксировав новых противников, оккупировавших господствующие высоты, они медленно попятились, словно давали понять – вы тут разбирайтесь, мы позже зайдем, поживимся, чем Узел послал.

Монгол в первый момент подумал о вмешательстве мне-

¹⁰ Армган – сленговое название лазерного излучателя.

мотехника, уж слишком сообразительно вели себя рапторы, но тут за изгибом оврага сканеры зафиксировали характерную сигнатуру. Сталтех! Из старых.

Он сосредоточился на сканировании. Нашпигованный металлом, поросший «жестянкой» холм создавал серьезные помехи, но все же Монголу удалось прочесть еще с десятков размытых энергоматриц.

«Вот уж день, как с утра не заладится, так все и пойдет наперекосяк!..» – зло подумал Монгол. Старый сталтех контролировал не только двух рапторов-разведчиков, он в данный момент являлся «пастухом» для полутора десятков новорожденных исчадий техноса.

Боевики Пламенного Креста и военный патруль новой опасности пока не заметили. Они были поглощены яростной, возобновившейся с новой силой перестрелкой.

Автоматные очереди прошивали красноватые сумерки, царящие под исполинскими кронами древовидных металло-растений, огненные трассы хлестали по склонам, выбивая всплески пламени, им вторил глухой басовитый перестук импульсных пулеметов, – с обеих сторон использовалось тяжелое вооружение, в воздух вздымались полутораметровые фонтаны земли, ржавая арматура, и ветви металлических кустарников разлетались брызгами расплава.

Бой продолжался уже больше минуты, но ни одна из сторон не получила решающего преимущества – холмы изобиловали укрытиями, которые умело использовали бойцы пат-

руля и боевики секты, зато несколько уцелевших охотников за артефактами поплатились за проявленную жадность, угодив под перекрестный огонь. Глядя на мечущиеся по дну оврага фигуры, Монгол прекрасно понимал, что вряд ли кому-то из них суждено вырваться из огненного котла живым.

Он не спешил обозначить свое присутствие. Ситуация складывалась скверная. Лучше пока сберечь патроны и силы. Бросать Тима на произвол судьбы Монгол не собирался, но и безопасно вывести парнишку из укрытия сейчас не представлялось возможным – ураганная перестрелка бесновалась как раз над бетонной плитой, что козырьком нависала над узким лазом.

Монгол загнал в подствольник электромагнитную гранату. В его интуитивном понимании ближайшая перспектива выглядела еще более мрачной: бурлящий котел энергий, вскипевший в овраге меж холмами, очень скоро привлечет внимание всей находящейся поблизости механической нежити.

Он не ошибся.

Из ближайшего ответвления оврага показались представители самой жуткой формы исчадий техноса. Человеческие фигуры в разномастной экипировке, сплошь покрытой ртутными язвами, двигались медленно, неуверенно, то и дело кто-то из них спотыкался, падал, но такое «бестолковое» поведение не могло обмануть опытного сталкера.

В бою они станут действовать совершенно иначе. Но

что самое скверное – формирующиеся сталтехы совершенно непредсказуемы, их очень трудно вывести из строя, разве что военные по связи вызовут вертушки, чтобы те отработали по групповой цели плазменными ракетами.

Ситуация принимала смертельный оборот. Импланты Монгола зафиксировали восемнадцать сталтехов, не считая их «пастуха».

Жесть...

Перестрелка между фанатиками Пламенного Креста и военным патрулем тут же прекратилась, обе стороны зафиксировали появление нового противника и мгновенно перенесли огонь в глубь оврага.

Гражданская война техноса и последовавшая за ней попытка механической нежити полностью очистить отчужденные пространства от присутствия сталкеров и военных научила самых заклятых, непримиримых врагов в критические минуты объединяться в борьбе против исчадий кибернетической эволюции.

Ни Молох, ни военные отступать не собирались, что, по мнению Монгола, выглядело как минимум странно.

«Вот так несколько выстрелов влекут за собой обвал событий. – Сталкер вскинул автомат. – Только бы Тим сидел тихо, не высывался. А то обидно будет, если убьют парнишку...»

Есть в отчужденных пространствах хорошая поговорка: «От «мотылька» до сталтеха – один шаг».

Действительно, между двумя крайностями зачастую стоит секундное замешательство, роковая ошибка, мелкая оплошность: неплотное соединение экипировки, случайное ранение или просто царапина, содравшая крошечный фрагмент активного пластика с поверхности брони.

Скорги повсюду, они не упускают шанса, и неимплантированный сталкер, в просторечье «мотылек», рискует ежесекундно. Самые страшные эпидемии в истории человечества оставляли людям больше шансов на выживание, чем скорги. Созданные в лабораториях новосибирского Академгородка нанороботы, мутировавшие в пространствах таинственного Узла, вели себя крайне агрессивно, а их количество на один квадратный метр отчужденных пространств не поддавалось исчислению.

Наномашины, разработанные для проектов колонизации иных миров, получив возможность бесконтрольного воспроизводства, подверженные непредсказуемым изменениям во время пульсаций пространственно-временной аномалии, постепенно утратили большинство полезных для человека функций, инициировали собственную эволюцию и стали настоящим бичом отчужденных пространств.

Дикие колонии скоргов таились повсюду. В начальной стадии своего развития наномашинны стремились внедриться в любой доступный носитель, принять некую форму, а затем модернизировать ее, следуя эволюционными путями техноса.

Монгол многое повидал на своем сталкерском веку.

Он помнил те времена, когда металлорастения пробивались над ржавыми холмами робкой серебристой порослью, ловушки, создаваемые скоргами, встречались крайне редко, а вся механическая «жизнь» концентрировалась в границах энергополей.

Прошли годы, и бесконтрольно размножающиеся наномашинные комплексы заплотнили в отчужденных пространствах всё сущее, – уже не робкие побеги металлокустарников тянулись к хмурым небесам, а исполинские древовидные автоны вздымались над исковерканным ландшафтом, переплетаясь «кронами», заслоняя свет, формируя так называемую «архитектуру техноса» – среду обитания для десятков тысяч разнообразных видов механических тварей.

Эволюция скоргов протекала стремительно, колонии наномашин, аккумулируя опыт борьбы за выживание, порождали все новые и новые виды механических существ, используя их в качестве носителей. Эволюционная борьба техноса набирала обороты – даже бывалым сталкерам теперь приходилось туго, что же говорить о новичках, которые слетались, как мотыльки на свет, наивно полагаясь на защиту ультрасо-

временной экипировки. По их мнению, пара вылазок в границы аномальных пространств – не такой уж большой риск по сравнению с теми суммами, что обещали перекупщики за каждый техноартефакт, вынесенный за границы Барьера.

Увы, по-настоящему везло одному «мотыльку» из тысячи. Судьбе остальных позавидовать сложно. Случайное повреждение экипировки, инфицирование скоргами, а дальше либо в сталкеры, либо в ряды нежити. Чаще всего – последнее, ибо мнемотехников, способных реально помочь инфицированному бедолаге, можно было в буквальном смысле сосчитать по пальцам.

* * *

Монгол, пристально наблюдая за внезапно появившейся на сцене событий группой сталтехов, не испытывал к новорожденным исчадиям техноса ни сострадания, ни ненависти.

Их привлек очаг энергетической активности, образовавшийся в результате остервенелой схватки между военными, фанатиками Пламенного Креста и остатками отряда «диких старателей».

Издали сталтехов легко спутать с людьми. Недавно инфицированные, они еще не превратились в окончательные «изделия техноса», их плоть, покрытая ртутными язвами, пронизанная сложным плетением серебристых нитей (из кото-

рых вскоре сформируются механические мускулы), еще не отмерла, организм продолжал жить, хотя уже не мог бороться с перестраивающими его нанороботами.

В такой стадии сталтехи особенно опасны. Монгол знал, что человеческий мозг погибает не сразу, он продолжает руководить поведением сталтеха, пока не будет полностью сформирована «управляющая» колония наномашин.

Судьбе инфицированного скоргами человека не позабудешь.

Плоть отмирает медленно, трансформация биологического носителя в исчадие техноса протекает мучительно, в этот период большинство сталтехов сбиваются в группы, ими еще руководят проблески прошлых, сугубо человеческих мотиваций, но мышление уже непоправимо искажено сумеречным состоянием рассудка, а любой порыв выливается в крайне агрессивное поведение по отношению ко всем, в том числе и к своим товарищам по несчастью.

Нередко случалось, что развитие колонии скоргов, захватившей человека в качестве носителя, останавливалось при так называемом «вторичном инфицировании», когда несколько агломераций «диких» наномашин вступали в схватку друг с другом за обладание носителем. Как правило, результатом беспощадной борьбы становились мумифицированные останки с частично металлизированными костями скелета и фрагментарно сформированными сервомускулами, иногда встречающиеся в руинах.

За подобные «артефакты» перекупщики предлагали немалые суммы, чем еще больше осложняли ситуацию, вовлекая в смертельный бизнес все новые и новые отряды охотников за «легкими деньгами».

* * *

Размышления на тему превратностей сталкерских судеб не мешали Монголу целиться.

Пока боевики секты и военные, на минуту забыв о смертельных противоречиях, поливали противника шквалом очередей из разнокалиберного оружия, он, понимая суть происходящего, упорно следил за единственной фигурой, представляющей первостепенную опасность: его интересовал старый, давно сформировавшийся сталтех, так называемый «пастух».

«Пути техноса неисповедимы», – гласит еще одна, перефразированная в отчужденных пространствах поговорка.

На самом деле всё имеет причину и следствие. Говорят, что эволюцию скоргов пытается взять под контроль некая сила, базирующаяся в неизведанных глубинах пространственно-временной аномалии, получившей среди сталкеров короткое и емкое название – Узел.

Монгол был склонен верить, но не слухам, а фактам.

Он на собственной шкуре испытал, что такое организованные полчища техноса. Многие утверждали, что армия-

ми исчадий руководит некая мифическая группа ученых, сумевших взломать основные коды управления, но Монгол лишь мысленно усмехался в ответ. В силу обстоятельств он был одним из немногих, кто знал – механизмы разных мастей действительно подчинялись приказам, поступающим из недр Узла. Мысленно он склонялся к версии искусственного интеллекта, возникшего там, где первоначально эволюционировали созданные на Земле наномашинные комплексы.

У техноса появилась *воля*, и это обстоятельство тревожило не на шутку. Взять тех же сталтехов. Раньше они тоже сбивались в группы, но в большинстве своем гибли, бессмысленно продираясь через заросли «жестянки», вступая в ожесточенные схватки с другими представителями техноса. Теперь у них появились «пастухи» – опаснейшие няньки, пестующие будущих бойцов техноса, не позволяющие им бесславно сгинуть в дебрях металлической растительности.

Есть повод задуматься?

Пару лет назад Монгол при таком раскладе решил бы обратиться подальше. Одно дело группа «мотыльков»-старателей, с ними можно договориться, на худой конец отогнать автоматной очередью, но с *этими* уже не пообщаешься, да и страх им больше неведом, на очередь они ответят шквалом огня, драться станут с бессмысленным упорством обреченных, вряд ли осознавая, зачем вообще вступили в бой.

Ну не умирать же ни в чем не повинному парню страшной, мучительной, *незаслуженной* смертью?

Иной сталкер на месте Монгола плюнул бы на все и унес ноги, но он мыслил иначе. Крепко ему запомнились уроки *человечности*, преподанные отчужденными пространствами. Ему никогда не забыть дикого ужаса, пережитого им в тоннелях техноса под Пустошью, когда он лежал раненый, беспомощный, ожидая жуткой, неизбежной развязки. Аскет, Апостол и Саид тоже могли пройти мимо, не тратить время на двух юных неимплантированных питерских проводников, заброшенных в Пустошь прихотью внезапной пульсации.

Но ведь не оставили умирать. Вытащили, рискуя своими жизнями. А после Приор Глеб выхаживал их в Цитадели Ордена и брал с собой на разные задания, ненавязчиво преподавая юным сталкерам трудную науку выживания в отчужденных пространствах.

Вот и получается, что ни один из наших поступков не пропадает бесследно. Не мог Монгол плюнуть на всё и уйти.

* * *

Крики, грохот очередей, ответный огонь сталтехов, вздыбившаяся земля, росчерки лазерных разрядов, проявляющиеся в пыльном воздухе, – все это скользило по периферии сознания, являлось фоном восприятия.

«Пастух» на рожон не лез. Он координировал действия своих подопечных, передавая каждому четкие целеуказания. Два раптора, скрытые завесой поднятой в воздух пыли, про-

должали вести активное сканирование, изредка «подсвечивая» цели одиночными выстрелами.

Больше всего досталось военным. Гребень возвышенности, и без того исковерканный пульсациями, уже дважды вспахало бесноватым огнем тяжелых ИПК. Сталтехи без труда управлялись с громоздкими крупнокалиберными импульсными пулеметами, подавляя сопротивление не искусством боя, а тупой огневой мощью.

В отличие от них бойцы военного патруля демонстрировали отличную подготовку и недюжинную выдержку. Умело маневрируя огнем, они сдерживали натиск нежити, но силы были слишком уж неравными.

Боевики Пламенного Креста к подвигам не стремились, – Молох быстро сообразил, что сталтехи сконцентрировали внимание на патруле, и начал отводить своих людей, вместо того чтобы поддержать военных снайперским огнем с заведомо выгодной позиции.

«Ладно, твари, с вами еще поквитаемся», – презрительно подумал Монгол.

Старый сталтех продолжал ускользать, он словно чувствовал, что находится на прицеле.

Мью-фон, автоматически меняющий частоты связи, выхватил из эфира обрывок переговоров:

– ...высота 12–09! Ведем бой с превосходящими силами техноса!..

– ...коробочка на подходе... Держитесь...

«Почему они не подняли вертушки? – мысленно удивился Монгол. – Пока их «коробочка» продерется через «жестянку», здесь уже все будет кончено!»

Расширитель сознания, объединяя различные импланты, частично отсеивал помехи, используя мозг сталкера как вычислительное устройство. Он обрабатывал данные, действуя в рамках узкой задачи, и, лишь убрав лишнее, передавал сигналы на зрительный нерв Монгола.

Есть. Подставился все-таки!

Смазанный помехами силуэт старого сталтера появился из-за вставшей на ребро потрескавшейся бетонной плиты.

Права на ошибку у Монгола не было. Дистанция приемлемая, цель видна, теперь главное не просто попасть, а вырубить управляющую колонию скоргов.

Монгол тщательно прицелился, палец плавно выбрал люфт спускового крючка, затем преодолел тугое сопротивление, и автомат зло ударил короткой очередью в три патрона.

Две пули с фричем, одна разрывная.

Первая ударила в переносицу сталтера, покрыв металлизированный череп белесыми прожилками, похожими на мгновенно выступивший узор инея, вторая добавила в лоб, третья ушла в «молоко», на сантиметр разминувшись с головой нежити.

Вторая очередь довершила начатое, исправив допущенную ошибку.

Череп сталтеха, потерявший прочность под воздействием фрича, разлетелся фонтаном мельчайших осколков, управляющая колония скоргов не вытекла, как бывает, влажным ртутным плевком, – ее распылило, без надежды на «реинкарнацию».

Монгол рывком ушел с демаскированной позиции.

Контуры сталтехов пылали перед мысленным взором различными оттенками зеленоватого сияния, отображающими термальные всплески. Источники аномальной энергии и системы вооружений выделялись на фоне полупрозрачных в таком восприятии силуэтов особенно четко.

Военным удалось завалить троих. Неплохой результат, если учитывать, что большинство попаданий для нежити не смертельны, они лишь рвут в клочья и без того мертвую плоть или уходят в рикошет от металлизированных скоргами деталей скелета.

В данный момент полтора десятка изрядно поврежденных исчадий техноса пытались выбраться из оврага на склон высоты.

Движения сталтехов поведали Монголу о многом. Они неуверенно обошли две близко расположенные ловушки, – «Магнит» и «Гейзер», значит, управляющие колонии скоргов у большинства уже сформированы, но они все еще используют органы человеческого восприятия и слабые сканирующие системы экипировки, – слишком поздно сталтехи заметили опасность, да и отреагировали вяло, апатич-

но.

«Хреново без начальства?»

Монгол занял заранее намеченное укрытие, спустившись чуть ниже по склону, чтобы бить наверняка, без помех.

Два раптора, судя по показаниям сканеров, продолжали осуществлять поддержку. Несмотря на «порванную» локальную сеть, они подсвечивали цели потоками излучения, давали указания выстрелами из мелкокалиберных импульсных орудий, но неполноценные, не до конца сформированные сталтехи, потеряв централизованное руководство, больше не воспринимали действия примитивных механизмов как помощь. Отряд начал расплзаться, и тут оставшиеся в живых бойцы патруля допустили первую серьезную ошибку – они не прекратили огонь, а, напротив, почувствовав в противнике слабость, сконцентрировали его, уничтожив еще три исчадия техноса и четко настроив остальных против себя.

«Ну зачем?!» – мысленно укорил их Монгол.

Хотя бойцов можно понять – пять минут ураганного огневого контакта способны выжечь нервы кому угодно.

На вершине противоположного холма сканеры зафиксировали движение.

Молох, почувствовав перелом в схватке, подтягивал боевиков на огневой рубеж.

Было понятно: они собираются прижать военных, заставить их отступить, а уж потом добить разобщенную группу сталтехов, чтобы добраться до брошенного на дне оврага гру-

за.

«Не выйдет». Монгол находился на выгодной для наблюдения позиции и не без удовлетворения отметил, что вызванная патрулем помощь уже на подходе. Модифицированный БТР с десантом бронепехоты не стал ломиться через заросли металлокустарников, а совершил бросок по объездной дороге и сейчас находился в тылу атакованной патрульной группы, карабкаясь к ней по склону холма.

Боевики Пламенного Креста пока что не подозревали о приготовленном для них сюрпризе.

Монгол переключил внимание на близкие и потому наиболее актуальные цели. Один из сталтехов все же умудрился вляпаться в «Магнит» и теперь тщетно пытался вырваться. Колония диких скоргов засосала его уже по пояс.

Этот не в счет. А вот остальные по-прежнему опасны.

Автомат сталкера ударил во фланг атакующим, срубая сталтехов короткими беспощадными очередями.

* * *

События развивались стремительно.

Вызванный патрулем БТР, расталкивая остовы ржавеющих среди воронок машин, вскарабкался на вершину холма, оставляя после себя глубокий след развороченной почвы. Боевые машины последнего поколения не зря получили среди сталкеров меткое название «Крадущийся демон». Дви-

гатели БТР работали практически бесшумно, фототропный слой активного пластика, нанесенный поверх брони, имел свойство мимикрировать, сливаясь с окружающей средой, антисканирующие комплексы обеспечивали машине хорошую защиту от систем обнаружения потенциального противника.

Исследовательские и военно-промышленные комплексы Внешнего Мира не стояли на месте, вот уже несколько лет они снабжали изоляционные силы Барьерной Армии новейшими образцами экипировки, вооружений и боевой техники, адаптированными к условиям отчужденных пространств. По сути, армейские формирования, базирующиеся в Пятизоне, проводили постоянные полевые испытания техники «двойного предназначения». Любая машина, элемент экипировки, система поддержания жизни, способная выдержать адские условия отчужденных пространств, по определению годилась для работы на иных планетах. Независимо от моральной окраски происходящих внутри периметра Барьеров событий, тут, в диких, непостижимых для неподготовленного рассудка условиях, медленно, но верно оттачивалась техника выживания, годная для колонизации иных миров.

* * *

Перевалив через гору спрессованного строительного му-

сора, боевая машина не остановилась, а медленно поползла по склону, открыв огонь из башенного орудия.

Артиллерийский компьютер четко фиксировал цели, башня поворачивалась рывками, сплевывая оглушительные, короткие очереди в три-четыре снаряда.

Тим, почувствовав, как содрогнулась почва, не удержался и все-таки выглянул через узкий лаз.

В этот миг на противоположном склоне холма земля встала дыбом – оранжево-черные всплески разрывов взметнулись в небеса тонны обломков кирпича и бетона, оставляя в местах попаданий огромные дымящиеся воронки, два исполинских древовидных автона, подрубленные у основания мощных стволов, вдруг начали угрожающе крениться, в вышине со звоном лопались металлические ветви, град раскаленных, дымящихся обломков барабанил по земле, в грохоте тонул чей-то истошный крик, наступавшие сталтехи словно оцепенели, два механоида, двигавшихся в арьергарде отряда нежити, теперь чадно дымили, прошитые очередями автоматических курсовых орудий БТР.

Для Тима все происходящее выглядело сущим адом, он мгновенно оглох, ослеп, на зубах скрипела пыль, казалось, что вырванная в небо земля повисла удушливыми шлейфами, а холм, состоявший из обломков зданий, медленно проседает, раздаваясь в стороны под весом боевой машины.

Однако большинство участников внезапного боестолкновения не обращали внимания на подобные «мелочи». Стал-

техи, очнувшись от секундного оцепенения, открыли ураганный ответный огонь, отсекая бронепехоту, двигавшуюся вслед за БТР, а вскипевшие энергии боя тут же привлекли внимание различных обитающих неподалеку исчадий техноса – сквозь разрывы дымопылевой завесы оглушенный Тим с ужасом заметил, что со стороны ближайших руин, появились ажурные шары.

«Это же «перекати-зоны»!» – мгновенно сообразил он, потрясенно наблюдая, как эволюционировавшие роботы стремительно приближаются к месту схватки, словно их подталкивали, заставляя подпрыгивать на кочках и рытвинах, ураганные порывы внезапно поднявшегося ветра.

Жуткие очертания десятка «перекати-зон» промелькнули в поле зрения и исчезли, скрытые завесой дыма. Испуганный, растерянный взгляд Тима остановился на древовидном металлорастении, которое в этот миг с протяжным скрежетом рухнуло поперек оврага, закрыв боевой машине часть секторов обстрела.

Металлические ветви, покрытые окислами, дрожали, роняя шелуху окалины. Сотни мелких насекомоподобных механизмов градом сыпались на землю, расплываясь в разные стороны, среди ветвей то и дело возникали сполохи зеленоватого мерцания, вниз с влажными шлепками падали Н-капсулы, тут же превращаясь в лужицы серебристого расплава, – дикие колонии скоргов активировались при ударе о землю и начинали охоту, парализуя и поглощая мелких механиче-

ских «насекомых».

Неподвластный рассудку ужас парализовал сознание Тима.

Скорги!

Он оцепенел, не зная, что делать: бежать ли через огонь разрывов или забиться в сомнительное укрытие, из которого нет выхода?

Бой тем временем продолжался.

БТР попятился, не прекращая вести прицельный огонь по сталтехам, двигавшиеся следом бойцы в бронескафандрах залегли, оказавшись метров на двадцать выше по склону. Они не видели Тима, он же ощущал их присутствие по сильным, отрывистым очередям «карташей» да разрядам ручных армганов – лучи лазеров четко проявлялись при прохождении через взвесь мельчайшей пыли, которой был напоен удушливый воздух.

Второе металлическое дерево внезапно начало крениться, издавая рвущий нервы скрежет и лязг.

Для неподготовленной психики – зрелище ужасающее. Тима трясло, голос рассудка подсказывал, что торчать у выхода из убежища – глупый, ничем не оправданный риск, но он по-прежнему не мог пошевелиться, лишь судорожно хватал ртом горьковатый, пыльный воздух да часто смаргивал, с ненормальной, самоубийственной жадностью впитывая взглядом детали непостижимого сумеречного ада, разверзшегося перед ним. Закрепленная на лбу видеокамера

продолжала непрерывную запись событий, но Тим сейчас позабыл обо всем, жуткая реальность поглотила рассудок, он растворялся в окружающем, задыхаясь от ужаса, потеряв способность к осмысленным действиям.

Древовидный автон сочно-медного цвета рухнул, накрыв своей разлапистой «кроной» большую часть склона противоположного холма. Этим не преминули воспользоваться оставшиеся в живых боевики Пламенного Креста. Заняв укрытия среди сплетения металлических ветвей, они лихорадочно готовили к бою какую-то установку, состоявшую из массивного треножного станка и закрепленного на нем тулового генератора.

Военные потеряли фанатиков из вида, их внимание сосредоточилось на новых исчадиях техноса, появившихся в пространстве между холмами. Три или четыре «перекати-зоны», сплевывая росчерки лазерных разрядов, стремительно катились вниз по склону. Огонь импульсных орудий практически не причинял вреда ажурным «изделиям техноса», пули и снаряды лишь царапали тонкие, но чрезвычайно прочные детали их остовов, рикошетили, вспарывая землю, кроша бетон, причиняя лишь случайные, минимальные повреждения эволюционировавшим роботам Зоны.

Соотношение сил менялось на глазах.

В Сосновом Бору, особенно в непосредственной близости от Барьера, господство военных казалось неоспоримым, по крайней мере именно так преподносили ситуацию средства

массовой информации. Сейчас Тим наблюдал прямо противоположное. Отряд, пришедший на выручку патрулю, попал в крайне затруднительное положение. БТР, несмотря на отличную защиту и внушительную огневую мощь, явно не справлялся с обилием целей – всё новые и новые «изделия техноса» подтягивались к месту схватки, вступая в нее без всяких сомнений и предварительной разведки.

– Отходим! – раздался неподалеку от укрытия Тима возглас одного из военных. – По связи передали, в полутора километрах группа бронезавров! Двигаются сюда! Повторяю приказ: отходим!

Все смешалось. Понять, кто теперь нападает, а кто защищается, казалось попросту нереальным. Десятка три различных механических тварей атаковали первые попавшиеся цели, некоторые останавливались, выпускали манипуляторы, начиная мародерствовать на останках поверженных противников, и тут же сами становились жертвами более сообразительных и осторожных порождений техноса.

БТР попятился. Его башенное орудие работало в режиме беглого огня, на дистанциях прямой наводки, но эпицентр схватки, будто магнит, притягивал все новых и новых механоидов. В широкой части оврага внезапно вспух ослепительный плазменный волдырь, неохватные стволы двух рухнувших металлорастений мгновенно превратились в гейзеры расплава, ударившие на огромную высоту.

Тим заорал от ужаса.

Его крик глох под дыхательной маской. Трудно передать чувство оцепенелого бессилия, овладевшего им. Смерть дышала в лицо. Вокруг полыхали взрывы, падали раскаленные, сбитые пулями ветви металлорастений, в дыму возникали и тут же пропадали зловещие контуры механических тварей, в овраге, куда угодил плазменный разряд, что-то извергалось, выбрасывая тучи пепла и фонтаны вязкой, багряно-оранжевой магмы.

Объективно, начавшееся вдруг светопреставление продолжалось всего десять-пятнадцать секунд, затем обжигающая ударная волна от особенно сильного взрыва тяжелой судорогой рванула во все стороны, мгновенно свивая тучи пепла и дыма в тугие смерчи, открывая полуослепшему Тиму новые подробности происходящего: по склонам холмов плясали языки пламени, в воронке, покрываясь тонкой пленкой окалины, рдело озерцо расплавленного металла, боевики секты, чей генератор опрокинуло, а укрытия сожгло, вынужденно развернулись, вступив в бой с зашедшими им в тыл «перекати-зонами»...

«Мамочка...» – беззвучно шептали побелевшие губы. Тиму казалось, что его распухшую голову обернули несколькими слоями ваты, одежда тлела, он вялыми движениями загасил несколько очагов жгучей боли и вдруг замер, неестественно вытянув шею.

По склону соседнего холма, сносимые ураганным ветром, ползли серые, плюющиеся огнем шлейфы пыли, словно там

двигалась колонна тяжелой бронетехники.

Тим, обмирая от ужаса, присмотрелся.

Контуры атакующих танков выглядели чудовищными, невозможными – группу из четырех машин, принадлежащих к разным эпохам развития танкостроения, объединял лишь один признак: над многотонными исполинами поработорал технос, реконструировав их на свой лад.

«Бронезавры...» – ухнула в голове Тима обреченная мысль.

Их корпуса закрывали наплывы серебристой брони, башни древних танков оплетало ажурное кружево металлоконструкций, они двигались стремительно, вспарывая склон траками гусениц, ведя огонь в движении. Несколько прямых попаданий снесли гребень возвышенности вместе с укрытиями, где искали спасения боевики секты Пламенного Креста, группа механоидов, попытавшихся между делом приступить к эволюционному пиршеству, стала следующей жертвой ураганного огня – механические твари одна за другой тонули в пламени взрывов. Через минуту «бронезавры», учинив настоящий разгром, принялись зачищать местность из крупнокалиберных импульсных пулеметов, добывая разную «мелочь», оставшуюся в зоне эффективного сканирования.

Шары «перекати-зон», высоко подпрыгивая, попытались ретироваться, но модифицированные техносом танки вдруг рванулись следом за ними. Вскарабкавшись на холм, расположенный метрах в ста от укрытия Тима, они замерли, воро-

чая стволами, затем вновь открыли ураганный огонь из импульсных орудий.

Казалось, всё – опасность миновала, но куда там. Из раскаленных зарослей металлокустарников показались новые виды механических тварей, привлеченных признаками боя. Они двигались по дымящимся склонам, выпуская манипуляторы, подбирая различные детали поврежденных механизмов. Тим не раз слышал рассказы о том, как эволюционировавшие «изделия техноса» в буквальном смысле разбирают на запчасти пострадавших в схватках «собратьев», присваивая их узлы, системы и агрегаты в качестве апгрейда.

Ему казалось, что этот кошмар будет длиться вечно.

Четыре «бронезавра», разделавшись с пытавшимися скрыться ЭРЗами¹¹, начали разворачиваться, когда в небе над злополучными холмами раздался нарастающий гул и вдруг, разрывая полог свинцовой облачности, в небе появились два хищных, стремительных силуэта «драконов» – захваченных техносом боевых вертолетов, неоспоримых хозяев отчужденных пространств...

Через мгновение позиция «бронезавров» потонула в огне – «драконы», в чьих очертаниях еще угадывались контуры знаменитых Ка-85 «Пустельга», ударили по ним плазменными ракетами и тут же, заложив крутой вираж, обрушили шквал снарядов на группу мародерствующих механоидов.

Бетонная плита, козырьком выступавшая над головой Ти-

¹¹ ЭРЗ – эволюционировавший робот зоны.

ма, внезапно прыснула трещинами, серия взрывов потрясла окрестности, и... наступила ватная тишина, лишь исковерканные корпуса двух рапторов со скрежетом катились вниз по склону, подпрыгивая на ухабах и рытвинах.

Тим сидел, зажимая ладонями кровоточащие уши, не чувствуя, как пылает кожа лица, его взгляд неотрывно следил за хищными силуэтами «драконов», которые пронеслись между холмами, сминая тяжелые пласты удушливого, раскаленного воздуха, и вдруг, покачиваясь, застыли в воздухе, задействовав режим автопарения.

На склоне противоположного холма среди поникших, оплавившихся ветвей металлорастений, рассыпая искры из развороченных корпусов, чадило не менее десятка механоидов, из-под пепла виднелись фрагменты тел в покрытой окалиной боевой броне, на берегу медленно остывающего озера расплавленного металла смрадно чадили останки сталтехов, – нестерпимый жар обугливал ошметья плоти, из-под дымящихся лохмотьев экипировки вытекали ручейки серебряистой субстанции...

У Тима все плыло перед глазами. Его уже не била нервная дрожь, внезапно навалилась дикая усталость, безразличие ко всему, даже к собственной судьбе. Он сидел, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону, что-то шепча потрескавшимися губами, не чувствуя крови, сочащейся из ушей, лишь его полубезумный взгляд блуждал по окрестностям, замечая, как внезапно усилившийся ветер стал комкать тяжелые,

свинцово-серые тучи, сбивая их в плотную, угрюмую массу.

Первые капли дождя коснулись земли, начали скатываться пыльными шариками, затем вдруг взвихрились ядовитым маревом, а через секунду все потемнело, хлынул ливень, и распадок между холмами вдруг заволокло желтоватым туманом – дождь, хлещущий по земле, был кислотным.

* * *

Из желтоватого сумрака появилась фигура сталкера.

Тим вздрогнул.

«Монгол!.. Живой!..»

Экипировка сталкера, изрядно пострадавшая в бою, шипела, истекая тонкими завитками токсинов – кислотный дождь разъедал ее.

– Тим?

Он хотел откликнуться, но из горла вырвался лишь хрип.

Монгол сам заметил его, шагнул под покрытие потрескавшегося бетонного козырька, присел на корточки, хмуро и настороженно озираясь, затем вдруг вскинул автомат, с недобрым прищуром целясь в желтоватую мглу.

Из сумрака медленно выдавилась фигура... сталтеха!

Тим обмяк, не понимая, почему Монгол вдруг опустил автомат, не выстрелив в приближающееся исчадие техноса.

Существо, возникшее из клубящейся, ядовитой пелены, вызывало невольную дрожь.

Капли кислотного дождя скатывались по его глянцеви-
той, пронизанной серебристыми прожилками броне, подня-
тый визор боевого шлема открывал взгляду обезображен-
ное скоргами лицо. Черты вроде бы человеческие, но тон-
кая сетка серебристых нитей, паутиной окружающая глаза,
пара крупных вытянутых металлизированных пятен на пра-
вой щеке придавали лицу незнакомца застывшее, неживое
выражение.

Две модернизированные техносом «Пустельги» угрожаю-
ще приблизились, казалось, если б не узость распадка меж-
ду холмами, они бы заняли позиции за спиной странного су-
щества, над его плечами, но он, ощутив бьющий из-под ло-
пастей ветер, лишь досадливо поморщился, мотнул головой,
и оба «дракона» послушно поднялись выше, соблюдая без-
опасную дистанцию.

– Монгол, дружище! – произнес сталтех, как-то странно
наклонив голову. – А я все думаю, кто же тут войну устроил?
Развлекаешься?

Сталкер не высказал ни удивления, ни оторопи, ни радо-
сти.

– Здорово, Макс, – спокойно ответил он. – Ничего я не
устраивал. Так получилось – постреляли друг в друга с Мо-
лохом да разошлись краями.

– Ну-ну... – Макс многозначительно окинул взглядом ис-
коверканные, дымящиеся склоны. – Вижу, как вы «краями»
разошлись. – Он задержал взгляд на трупах в тяжелой бое-

вой экипировке Пламенного Креста. – Ну, ты, Монгол, даешь. Весь букет. Разве что егерей для колорита не хватает.

Сталкер лишь пожал плечами в ответ:

– Сам знаешь, «мотыльков» нынче развелось, что скоргов в «жестянке». Им до каждого выстрела дело есть. Сунулись, по зубам получили, а дальше по нарастающей. Чугункам только повод дай, со всей округи сбежались.

Макс кивнул. В принципе все понятно. Спрашивать у Монгола, что именно он не поделил с Молохом, вроде бы неудобно. Захочет – сам скажет.

– А тебя каким ветром в Сосновый Бор занесло? – словно бы между прочим поинтересовался сталкер.

Макс усмехнулся, хищно, белозубо. Здесь как раз никакой тайны не было.

– За группой сталтехов шел. Думал понаблюдать за ними спокойно. Кто ж знал, что ты тут войну устроишь?

– Так получилось, – повторил Монгол. – Хотя, признаться, рад твоему появлению. Разговор есть.

– О нем? – Макс недобро взглянул на Тима.

– С ним сам разберусь. Тут груз странный через Барьер протащили.

– Кто? – Макс снова наклонил голову, словно прислушивался к неуловимой для других мелодии.

– Молох.

– Я с фанатиками сейчас не воюю. У них свои дела, у меня свои.

– Не спорю. Но ты взгляни, может, подскажешь? Я пару образцов взял, а что с ними делать, ума не приложу.

– Ладно. – Макс скользнул взглядом по оружию Монгола. – Тот самый «калаш», из которого Приор Глеб мне пулю в висок вlepил? – неожиданно спросил он.

– Тот самый, – кивнул Монгол. – Я оружие не меняю.

Глава 2

Отчужденное пространство Соснового Бора...

– Действительно, странный груз. – Макс, завершив сканирование, выпрямился. – С виду – энергоблоки. Такие удобно использовать в качестве НЗ, если вдруг вдали от энергополей «Сердце зверя» разрядится. Но есть в них подвох. Внутри каждого – небольшая изолированная капсула. А вот для чего она – понятия не имею. Тебе бы Антрациту их показать. Он-то точно разберется.

– А где сейчас Антрацит?

– Последний раз в Ордене его видел. Сейчас умные люди в одиночку, как раньше, не работают.

– А ты типа глупый? – усмехнулся Монгол.

– Я осторожный, – в тон ему ответил Макс. Он что-то передал через мью-фон, и из клубящейся мглы выступили двое бойцов в легкой экипировке, вооруженные «карташом»¹² и «мегерой»¹³. Судя по обилию металлизированных пятен на лицах, их удалось вырвать из лап техноса, что называется, «в последний момент». – Я тоже, как видишь, в одиночку не хожу.

Монгол прищурился.

¹² «Карташ» – сленговое название импульсного пулемета системы Карташова.

¹³ «Мегера» – импульсный дробовик. Эффективен на малых расстояниях.

– А «драконы»?

– Тренируюсь. Форму поддерживаю, – отшутился Максим. – Какой-то ты напряженный, Монгол. Чего-то недоговариваешь. Ты пацана куда вел?

– Да его Молох в плен взял за Барьером. Я отбил парня, хотел отправить в ближайший лагерь проводников. Пусть бы обратно его вывели, с какой-нибудь оказией.

– Дело, – кивком согласился Макс. – И все же, почему такой хмурый?

Дождь постепенно пошел на убыль. Пыль и пепел прибило к земле, видимость значительно улучшилась. По дороге, что петляла за холмами, двигался изрядно потрепанный патрульный БТР. Военным хватило здравого смысла, чтобы отступить, не ввязываясь в бессмысленную бойню, когда «изделия техноса» поперли со всех сторон.

– Непонятного ходока я привел, – ответил Монгол, что-то просматривая через сталкерскую сеть. – Вроде при имплантах, от Славки пришел, а беспокойно на душе.

– Куда же он делся? – Макс обвел пытливым взглядом панораму недавнего побоища.

– Отстал по-тихому. В руины ушел, пока я с Молохом препирался.

– Как назвался-то?

– Гонтой.

– Что-то не припомню такого. Не из Хистеровских?

– Нет. Говорит – вольный бродяга.

– А что в сети?

– Нет такого. – Монгол поджал губы. – Развел он меня.

– А ты по всей базе данных поищи, – посоветовал Макс.

Монгол послал новый запрос, и через минуту его бровь удивленно приподнялась.

– Слушай, а ты прав! Он оказывается из «жженных», тех, что Катастрофу пережили!

– Так в чем проблема?

– Мертв он. Вот уж четыре года, – еще раз сверившись с базами данных, ответил Монгол.

– Может, просто в сети не светился? – предположил Макс. – Если из «жженных», то неудивительно. Многие из них меняют позывной, ходят под другими именами.

– Сам взгляни. Гонта группу вольных сталкеров возглавлял. Его Хистеровские егеря положили. Здесь все четко зафиксировано. Четыре года назад в Академзоне. Они Светлый Тоннель искали. Ну, ты слышал, да?

Макс кивнул.

Легенда о Светлом Тоннеле ходила давно. Говорили, что под Новосибирском существует старая подземная железнодорожная ветка, проложенная еще в прошлом веке. Если верить слухам, то во время пульсаций в подземелье проникает ослепительный свет. Те, кто видел его, больше не возвращались. О причине исчезновения сталкеров толковали разное, но самым устойчивым из бытующих мнений была легенда, что свет тоннеля не простой. Он часть Узла, аномалия внут-

ри аномальных пространств, единственный путь возвращения во Внешний Мир, но доступен он не каждому. Только те сталкеры, что остались чисты душой, способны пройти по нему – свет пульсации сжигает в тоннеле скоргов, не оставляет в теле ни одного импланта, открывает дорогу назад, во Внешний Мир. Ну а если душонка у сталкера грязная, продажная, то тоннель отправляет его в Узел, в самое адское пекло, откуда уже нет возврата.

Макс относился к легенде скептически.

Он допускал, что тоннель существует и связан с иными пространствами Узла, но не верил в легенду о Возвращении. Вряд ли в отчужденных пространствах найдется хоть один сталкер, чью душу можно назвать чистой. Выживание на грани человеческих сил – процесс жестокий. Разве что кто-нибудь из старых, переживших Катастрофу, оказавшихся невольными заложниками отчужденных пространств, мог бы попытаться счастья.

Промелькнувшая мысль заставила Макса вздрогнуть.

– Тело Гонты нашли?

– Нет сведений, – отозвался Монгол. Они оба подумали об одном и том же: а вдруг? Вдруг Гонта сумел пройти? Но зачем он в таком случае вернулся в отчужденные пространства?

Легенды Пятизонья не возникают на пустом месте. Макс был одним из немногих, кто на своей шкуре испытал материализацию некоторых загадочных и зловещих верований.

В душе каждого сталкера, вне зависимости от его мировоззрения и уровня циничного материализма, *никогда* не умирала безумная надежда на чудо. Границы аномальных пространств беспощадно захлопывались за спиной однажды имплантированного человека, дороги назад не существовало, за границей Барьера сталкеров ждала лишь мучительная смерть, но...

– Нужно бы проверить, кто он на самом деле... – в голосе Макса чувствовалась внезапная нервозность. – Что думаешь, Монгол?

– Не стыкуется у меня информация. Не тянет он на «джинна»¹⁴.

– Почему?

– Да мутный он какой-то. Элементарных вещей не знает.

– Или просто придуривался, чтобы тебя с толку сбить, – предположил Максим.

– Может, и так, – подумав, кивнул Монгол. – Проверить действительно нужно. Вопрос: где теперь искать этого Гонту и что мне делать с Тимом?

– О парнишке не беспокойся. Его отведут в безопасное место. – Макс обернулся к своим телохранителям. – Захар, забери «мотылька». Переждите в нашем бункере. Я скоро

¹⁴ «Джинн» – человек, переживший формирование отчужденных пространств, находившийся непосредственно в зоне катаклизма. Иначе – «жженные сталкеры», обладающие сверхспособностями в силу того, что их стандартные импланты (вживленные еще до Катастрофы) подверглись изменениям в момент первой пульсации.

вернусь. – Он взглянул на Монгола. – Ну что, пошли? Квартал руин невелик. «Драконы» отыщут Гонту.

Мнения Тима никто не спросил. Он даже не успел толком понять, что происходит, как две модернизированные техносом «Пустельги» сорвались с места, исчезнув из вида.

Монгол и Макс последовали за ними.

Тим медленно обернулся, невольно содрогнувшись от вида двух изуродованных скоргами сталкеров.

– Пошли, пацан, – негромко произнес Захар. – Тут недалеко, но нужно спешить. Вояки вскоре снова нагрянут. А нам с ними встречаться ни к чему.

* * *

Он убегал.

Тьма гнездилась по углам помещений, тусклый свет полудня вривался сквозь перекошенные оконные проемы, падал косыми столбами, рассекая сумрак опустевших квартир.

Выбитые двери, сломанная мебель, отметины от пуль, трещины по стенам и потолку, фрагменты внезапно остановившейся жизни, серебристый узор забравшихся на немыслимую высоту ползучих металлокустарников – всё мелькало перед глазами, пронеслось мимо, в такт бешеным ударам сердца, броскам от укрытия к укрытию, от простенка к простенку.

Он заблудился. Потерял чувство направления в изматы-

вающей гонке. Форсированный режим метаболического импланта задействовал все резервы организма, но и это уже не помогало. Его гнали, методично окружая с разных сторон, не убивая, но и не давая шанса остановиться, перевести дыхание.

Шаги по лестницам. Торопливая скребущая поступь в коридорах. За стенами здания – ровный деловитый гул: две захваченные техносом «Пустельги» фиксировали его перемещения при помощи сканеров, держали на прицеле, но медлили, не стреляли, хотя могли в любую секунду обрушить шквал огня, разнести фрагмент здания вместе с упрямым, не желающим умирать сталкером, поставив жирную точку в непонятном преследовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.